



ДЖУДИТ  
**МАКНОТ**



РАЗ  
И  
НАВСЕГДА

**Джудит Макнот**  
**Раз и навсегда**  
Серия «Романтическая серия», книга 1

*Издательский текст*  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=119565](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119565)  
*Раз и навсегда: АСТ; М.; 2015*  
*ISBN 978-5-17-086837-7*

**Аннотация**

О Джейсоне Филдинге шла дурная слава – он был привлекателен, как грех, и казался столь же порочным. Мало кто знал, какая рана кровоточила в душе этого зеленоглазого аристократа. Лишь одной женщине удалось коснуться сердца Джейсона – хрупкой и прелестной Виктории, юной девушке, только-только делающей первые шаги в жестоком мире лондонского высшего света. Но призраки прошлого возвращаются, чтобы разрушить счастье настоящего...

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	43
Глава 7	49
Конец ознакомительного фрагмента.	63

# Джудит Макнот Раз и навсегда

© Judith McNaught, 1987

© Перевод. Е. С. Шерр, наследники, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

\* \* \*

*Моему отцу, который всегда давал мне понять, что гордится мной, и моей матери, которая помогала мне добиваться того, что он гордился мной. Какую прекрасную команду вы вместе составляете!*

## Глава 1

*Англия, 1815 год*

– А вот и ты, Джейсон! – воскликнула черноволосая красавица, заметив отражение своего супруга в зеркале над туалетным столиком.

Ее взгляд неспешно скользнул по его высокой статной фигуре; затем она вновь принялась рассматривать содержимое раскрытых перед ней шкатулок с драгоценностями. От волнения у нее дрогнула рука, и улыбка осветила лицо, когда она достала из шкатулки изумительное бриллиантовое кольцо и протянула супругу.

– Помоги мне, пожалуйста, надеть его.

При виде ожерелий с мерцающими рубинами и чудесными изумрудами, уже украшавших шею и полную грудь жены над чересчур смелым вырезом платья, на лице мужа появилось пренебрежительное выражение.

– Тебе не кажется несколько вульгарным выставлять напоказ телеса и драгоценности для женщины, которая собирается изображать из себя гранд-даму?

– Да что ты в этом понимаешь? – презрительно возразила Мелисса Филдинг. – Это платье – писк моды. – И высокомерно добавила: – Оно пришлось по вкусу барону Лакруа. Он специально просил меня прийти в нем на сегодняшней бал.

– И несомненно, ему не доставит удовольствия возиться со столькими застежками, когда он будет снимать его с тебя, – саркастически заметил супруг.

– Конечно. Он француз, и к тому же ужасно пылкий.

– К несчастью, без пенни за душой.

– Он считает, что я красавица, – усмехнулась Мелисса, и в тоне ее послышалось едва скрываемое раздражение.

– Он прав. – Ироническим взглядом Джейсон Филдинг скользнул по ее прелестному алебастрово-белому лицу, слегка выпуклым зеленым глазам и полным алым губам, затем по ее пышным, волнующе подрагивающим грудям, отчетливо выделявшимся в глубоком вырезе розового бархатного платья. – Ты красивая, аморальная, жадная... ведьма.

Повернувшись, он направился к двери, но вдруг остановился. В его ледяном тоне послышалась неумолимая властность:

– Перед уходом зайди к нашему сыну и пожелай ему доброй ночи. Джейми слишком мал, чтобы понимать, что ты собой представляешь, и тоскует, когда тебя нет. А я в ближайший час отбываю в Шотландию.

– Джейми! – возмущенно зашипела женщина. – Ты только о нем и думаешь...

Не удосужившись возразить ей, Филдинг направился к двери, и ярость Мелиссы удвоилась.

– По приезде из Шотландии ты меня уже здесь не застанешь! – пригрозила она.

– Дай-то Бог, – не останавливаясь, резюмировал муж.

– Мерзавец! – бросила она ему вдогонку, едва подавляя ярость. – Я расскажу всему свету, кто ты такой, а потом брошу тебя. И никогда не вернусь. Никогда!

Взявшись за ручку двери, Джейсон повернулся; на его лице застыло жесткое, презрительное выражение.

– Вернешься, – усмехнулся он. – Вернешься, как только останешься без пенса в кармане.

Дверь за ним закрылась, и Мелисса победоносно поджала губы.

– Я никогда не вернусь, Джейсон, – громко объявила она опустевшей комнате, – потому что никогда не останусь без денег. Ты обеспечишь меня всем, чего я ни пожелаю...

– Добрый вечер, мой господин, – странно напряженным шепотом произнес дворецкий.

– Счастливого Рождества, Нортроп, – машинально ответил Джейсон, стяхивая снег с ботинок и отдавая слуге намоченный плащ. В его мозгу всплыла последняя, двухнедельной давности, сцена с Мелиссой, но он выбросил ее из головы. – Из-за непогоды поездка заняла у меня лишний день. А что, сын уже лег спать?

Дворецкий застыл на месте.

– Джейсон... – В дверном проеме гостиной, расположенной за мраморной приемной залой, появился крупный мужчина средних лет с обветренным лицом бывалого моряка. Он жестом пригласил Джейсона пройти в гостиную.

– Что ты здесь делаешь, Майк? – спросил Джейсон, озадаченно наблюдая, как моряк аккуратно закрывает за ними дверь.

– Джейсон, – скорбно проговорил Майк Фаррел, – Мелисса уехала. Как только ты отбыл в Шотландию, она вместе с Лакруа отплыла на Барбадос. – С минуту он ждал какой-то реакции, но когда ее не последовало, глубоко и прерывисто вздохнул. – Они забрали Джейми с собой.

Глаза Джейсона вспыхнули дикой яростью, казалось, вот-вот они извергнут пламя.

– Я убью ее за это! – бросил он, направляясь к двери. – Я найду ее и убью...

– Слишком поздно. – Глухой голос Майка остановил Джейсона на полпути. – Мелисса уже мертва. Их судно попало в шторм и затонуло через три дня после выхода в море. – Он отвел взгляд от болезненно искаженного лица Джейсона и монотонным голосом добавил: – Спасти никому не удалось.

Онемевший от горя, Джейсон стремительно подошел к столику для закусок и достал хрустальный графинчик с виски. Плеснув немного в стакан, он разом проглотил всю порцию, затем, глядя перед собой невидящим взором, вновь наполнил его.

– Она оставила для тебя вот это. – Фаррел протянул два письма со вскрытыми печатями. Джейсон не шевельнулся. Майк тихо пояснил: – Я уже прочитал их. В одном, адресованном тебе и оставленном Мелиссой в твоей спальне, речь идет о выкупе. Она собиралась вернуть тебе Джейми за выкуп. Во втором письме содержатся обвинения против тебя; она отдала его лакею, поручив доставить в «Таймс» после своего отъезда.

Однако когда Флосси Уильсон обнаружила исчезновение Джейми, она незамедлительно опросила слуг о том, что происходило накануне вечером, и лакей отдал письмо ей, вместо того чтобы доставить в «Таймс», как это было ему поручено. Флосси не смогла связаться с тобой, чтобы сообщить о случившемся, и потому послала за мной и передала оба письма. Джейсон, – хрипло добавил Майк, – я знаю, как ты любил мальчика. Соболезную тебе. Так соболезную...

Джейсон горестно взглянул на портрет в золоченой рамке, висевший над каминной полкой. В полном муки молчании он вглядывался в изображение сына – маленького крепыша с улыбкой херувима и любимым деревянным солдатиком в кулачке.

Стакан в руке Джейсона дрогнул. Но глаза его оставались сухими. Детство Джейсона Филдинга было таким, что он давным-давно выплакал все слезы.

*Портидж, штат Нью-Йорк, 1815 год*

Снег поскрипывал под маленькими ножками Виктории Ситон, когда она свернула с дорожки и отворила белую деревянную калитку, ведущую в передний дворик скромного маленького дома, где девушка родилась. Ее щеки горели румянцем, а глаза ярко сияли, иногда она останавливалась, чтобы взглянуть на звездное небо; девушка вглядывалась в него незамутненными, восторженными глазами подростка, которому на Рождество исполняется

пятнадцать лет. Улыбаясь, она промурлыкала заключительные такты одного из рождественских гимнов, которые весь вечер распевала с подружками, и направилась к домику с затемненными окнами.

Стараясь не разбудить родителей и младшую сестру, она тихонько открыла дверь парадного и скользнула в дом. Повесив на вешалку плащ, Виктория повернулась и, пораженная, застыла. В лунном свете, проникавшем через окно, на верхней площадке лестницы она увидела родителей, стоявших возле самой спальни матери.

– Нет, Патрик! – Мать вырывалась из крепких объятий отца. – Я не могу! Просто не могу!

– Не отказывай мне, Кэтрин, – хриплым умоляющим шепотом просил Патрик Ситон. – Ради бога, не...

– Ты же обещал! – вырвалось у Кэтрин, которая отчаянно пыталась высвободиться из его рук. Он наклонился и поцеловал ее, но она отвернулась и с рыданием выговорила: – В тот день, когда родилась Дороти, ты обещал, что больше не будешь меня просить об этом. Ты же дал слово!

Пораженная и испуганная, Виктория осознала, что еще никогда не видела, чтобы ее родители дотрагивались друг до друга – ни со злостью, ни с нежностью, и сейчас она не могла даже вообразить, о чем отец умолял мать.

Патрик отпустил жену.

– Прости, – сказал он с каменным лицом.

Мать бросилась в свою комнату и закрыла дверь, а Патрик Ситон, вместо того чтобы направиться к себе, повернулся и начал спускаться по узким ступенькам лестницы, пройдя в нескольких дюймах от Виктории.

Виктория вжалась спиной в стену; у нее было такое ощущение, как будто безопасность и покой окружающего ее мира оказались под угрозой от того, что она увидела.

Опасаясь, что, если она попытается подняться по лестнице, отец заметит ее и поймет, что дочь была свидетельницей унижительной интимной сцены, девушка застыла, глядя, как он уселся на софу и устремил взгляд в последние еще тлевшие угольки в камине. Бутылка, годами пылившаяся на кухонной полке, теперь стояла перед ним рядом с наполовину наполненным стаканом. Когда он наклонился и потянулся за стаканом, Виктория повернулась и осторожно поставила ногу на нижнюю ступеньку.

– Я знаю, что ты здесь, Виктория, – бесстрастным тоном, не оглядываясь, сказал отец. – Нет смысла притворяться, что ты не видела того, что сейчас произошло между твоей матерью и мной. Почему бы тебе не подойти сюда и не присесть у камина? Я ведь не грубое животное, как ты, должно быть, думаешь обо мне.

От любви к отцу у Виктории перехватило горло, и она быстро подошла и села рядом.

– Я вовсе так не думаю, папа. И никогда, даже на минуту, не считала тебя таким.

Отец сделал большой глоток.

– И не осуждай свою мать, – предупредил он, чуть запинаясь, как если бы начал пить еще задолго до ее прихода.

Он взглянул на испуганное лицо дочери и понял, что она взволнована. Успокаивающе обняв ее за плечи, он попытался облегчить ее горечь, но на самом деле его слова стократно усугубили ее.

– Я и твоя мать – оба не виноваты. Просто она не может любить меня, а я не могу перестать любить ее. Вот и вся правда.

Вместо безопасного и тихого пристанища детства Виктория неожиданно оказалась в холодном, ужасающем мире взрослых людей. Округлившимися глазами она уставилась на отца, чувствуя, что мир вокруг нее рушится. Девушка отрицательно покачала головой, пыта-

ясь отмахнуться от высказанных отцом ужасных слов. Не может быть, чтобы мать не любила ее чудесного отца!

– Насильно мил не будешь, – покачал головой Патрик Ситон, констатируя ужасную правду. – Любовь не приходит лишь потому, что тебе этого хочется. Если бы это было так, твоя мать полюбила бы меня. Когда мы обручились, она надеялась, что стерпится-слюбится. И я тоже так считал. Нам *хотелось* верить в это. Позднее я пытался убедить себя, что не играет никакой роли, любит она меня или нет. Я говорил себе, что в браке можно обойтись и без этого. – Следующие вырвавшиеся у него слова были сказаны с такой тоской, что у Виктории оборвалось сердце. – Я был глупцом! Любить кого-то, кто не любит тебя, – все равно что попасть в преисподнюю! Никогда не позволяй убедить себя, что можно быть счастливой с тем, кто тебя не любит.

– Н-не буду, – прошептала дочь, смаргивая подступившие слезы.

– И никогда не люби никого больше, чем он любит тебя, Тори. Не допускай этого.

– Н-не буду, – снова прошептала она. – Обещаю.

И не в состоянии больше сдерживать жалость и любовь, рвавшиеся из ее сердца наружу, Виктория посмотрела на отца сквозь мокрый туман слез и дотронулась своей маленькой ладошкой до его прекрасного лица.

– Когда я выйду замуж, папа, – всхлипнула она, – я выберу того, кто будет *в точности* таким, как ты.

Он мягко улыбнулся, но вместо прямого ответа лишь заметил:

– Понимаешь, не все так уж скверно. У нас есть Дороти и ты, которых мы любим, и эту любовь мы разделяем с твоей матерью.

Заря едва тронула небосклон, когда Виктория выскользнула из дома после бессонной ночи, которую провела, уставившись в потолок над кроватью. Одетая в красный плащ и темно-синюю шерстяную юбку для верховой езды, она вывела своего индейского пони из конюшни и легко вскочила в седло.

В полутора километрах от дома она подъехала к ручью, протекавшему вдоль шоссе, которое вело в деревню, и слезла с пони. Понуро пройдя по скользкому заснеженному берегу, девушка уселась на плоский валун. Она задумчиво смотрела на серую воду ручья, неспешно струившегося меж ледяных глыб.

Небо стало желтым, а затем розовым, пока она так сидела, пытаясь вернуть себе тот душевный покой и радость, которые переполняли ее всегда на этом месте в момент зарождения нового дня. Из-за деревьев по соседству шмыгнул кролик; позади нее послышалось тихое посапывание лошади и ее осторожные шаги вниз по крутому склону. Не успела легкая усмешка коснуться губ Виктории, как мимо ее плеча пролетел снежок; она чуть отклонилась.

– Промазал, Эндрю, – не оборачиваясь, проронила она. Затем в ее поле зрения появилась пара блестящих коричневых сапог.

– Рановато ты сегодня поднялась, – сказал Эндрю, ухмыляясь при виде изящной молодой красавицы, восседавшей на камне. Рыжие с золотистой искрой волосы Виктории были зачесаны назад, закреплены черепаховым гребешком на затылке и каскадом ниспадали на плечи. Ее ярко-синие, слегка раскосые глаза по цвету напоминали анютины глазки и обрамлялись длинными густыми ресницами. Нос – маленький, абсолютно правильный, аккуратные скулы, цветущие щеки, а в середине подбородка – крошечная, но интригующая ямочка.

Предвестием красоты отдавала каждая линия и каждая черточка лица девушки, но было очевидно, что ее красоте суждено стать скорее экзотической, нежели хрупкой, скорее живой, нежели девственно-чистой, как было очевидно и то, что ее маленький подбородок



свидетельствовал об упрямстве, а в ее блестящих глазах постоянно искрился смех. Однако в это утро в ее глазах не было видно обычного блеска.

Виктория наклонилась, зачерпнула ладонью снег и слепила снежок. Эндрю произвольно пригнул голову, но вместо того, чтобы запустить снежок в него, как она обычно поступала, девушка бросила его в ручей.

– Что случилось, ясноглазка? – поддел он. – Боишься промазать?

– Конечно, нет, – уныло сказала она.

– Подвинься и дай мне сесть.

Виктория подвинулась, он сел и озабоченно взгляделся в ее опечаленное лицо.

– Что тебя так беспокоит?

Виктория почувствовала самое настоящее искушение довериться ему. Пятью годами старше ее, Эндрю в свои двадцать лет был умен не по возрасту. Он был единственным ребенком самой состоятельной жительницы деревни, вдовы, отличавшейся неважным здоровьем. Она, с одной стороны, как настоящая собственница цеплялась за своего единственного сына, с другой – переложила на него всю ответственность за ведение хозяйства в их огромном доме и управление тысячей акров прилегающей к нему земли.

Приподняв голову Виктории за подбородок, Эндрю встретился с ней глазами.

– Скажи мне, – мягко попросил он.

Перед этой повторной просьбой ее страдающая душа не могла устоять. Эндрю был другом. За то время, что они были знакомы, он научил ее рыбачить, плавать, стрелять из пистолета и жульничать в карточной игре – последнее, по его словам, было необходимо для того, чтобы она могла отличить, когда обманывают ее.

Виктория вознаградила труды друга тем, что научилась лучше его плавать, стрелять и жульничать. Они были друзьями, и она знала, что может доверить ему почти все. Однако она не могла решиться на то, чтобы обсуждать с ним вопросы отношений между родителями. Вместо этого она заговорила о другом, также тревожившем ее, – о предупреждении отца.

– Эндрю, – нерешительно начала она, – как узнать, что тебя любят? Я имею в виду настоящую любовь.

– А кто именно тебя интересует?

– Тот человек, за которого я выйду замуж.

Будь она малость постарше и чуть более искушена, ей не составило бы труда разгадать выражение, появившееся в золотисто-карих глазах перед тем, как Эндрю быстро отвел взгляд в сторону.

– Тот человек, за которого ты выйдешь, будет любить тебя, – пообещал он. – Ручаюсь за это.

– Но он должен любить меня по крайней мере так же, как я полюблю его.

– Так и будет.

– Возможно, но как я смогу *определить* это?

Эндрю бросил на нее острый вопрошающий взгляд.

– А что, какой-то местный парень докучает твоему папе просьбами выдать тебя за него? – чуть ли не разгневанно спросил он.

– Конечно, нет! – усмехнулась девушка. – Мне всего пятнадцать, а папа убежден, что мне следует подождать до восемнадцати, чтобы я могла разобраться в своих чувствах.

Он посмотрел на ее маленький упрямый подбородок и хмыкнул:

– Если доктора Ситона заботит только то, чтобы ты разобралась в своих чувствах, то он мог бы позволить тебе обручиться хоть завтра. Ты научилась разбираться в этом, еще когда тебе было десять лет от роду.

– Ты прав, – призналась она с веселой откровенностью. С минуту помолчав, Виктория беззаботно спросила: – Эндрю, а тебе самому интересно, на ком ты женишься?

– Нет, – ответил он со странной усмешкой, глядя на другую сторону ручья.

– Почему же?

– Потому что я уже знаю это.

Пораженная таким удивительным откровением, Виктория круто повернулась к нему:

– Так ты знаешь? Правда? Скажи мне! Я с ней знакома?

Когда он не ответил, Виктория искоса бросила на него глубокомысленный взгляд и начала энергично лепить твердый шарик из снега.

– Ты собираешься сунуть его мне за шиворот? – весело спросил Эндрю, в то же время настроженно следя за ее действиями.

– Конечно, нет, – ответила девушка, и в ее глазах замерцали задорные огоньки. – Просто я хочу заключить с тобой пари. Если я попаду снежком вон в тот камешек, что лежит на самом дальнем валуне, то ты должен будешь назвать мне ее имя.

– А если попаду я? – бросил он ей вызов.

– Тогда имя может быть вымышленным, – великодушно заявила она.

– Я совершил ужасную ошибку, научив тебя азартным играм, – хмыкнул юноша, но не устоял перед ее обезоруживающей улыбкой.

Снежок Эндрю пролетел буквально в нескольких сантиметрах от далекой мишени. Виктория тщательно прицелилась и бросила свой снежок, который угодил точно в цель с такой силой, что камень скатился с валуна.

– Я также совершил ужасную ошибку, когда научил тебя играть в снежки.

– Я всегда умела в них играть, – нахально заявила девушка, упирая руки в бедра. – Итак, на ком ты собираешься жениться?

Сунув руки в карманы, Эндрю ухмыльнулся, взирая на ее очаровательное личико.

– А как ты, синеглазка, думаешь, на ком?

– Не знаю, – серьезно ответила Виктория, – но надеюсь, она особенная, потому что ты и сам особенный.

– Она и есть особенная, – заверил он ее. – Настолько особенная, что я постоянно думал о ней, когда в зимние месяцы находился далеко отсюда, в школе. По существу, я рад тому, что теперь живу дома, так как могу ее чаще видеть.

– Кажется, она довольно мила, – поджимая губы, допустила Виктория, неожиданно почувствовав безотчетную злость к неизвестной девушке.

– Я бы сказал, что она скорее прекрасна, чем довольно мила. Она нежная и одухотворенная, очаровательная и непринужденная, любезная и упрямая. Каждый, кто знакомится с ней, тут же влюбляется.

– Ну хорошо, тогда объясни мне, ради бога, почему ты не женишься и не решишь этот вопрос раз и навсегда? – мрачно поинтересовалась Виктория.

У Эндрю дрогнули губы, и необычным для него ласковым жестом он дотронулся до ее густых шелковистых волос.

– Потому, – нежно шепнул юноша, – что она еще слишком молода. Понимаешь, отец хочет, чтобы она подождала, пока ей минет восемнадцать лет и она сможет разобраться в своих чувствах.

Огромные синие глаза девушки округлились, когда она вглядывалась в красивое лицо друга.

– Ты имеешь в виду меня? – растерянно пролепетала она.

– Тебя! – торжественно подтвердил он. – И только тебя.

Душевное равновесие Виктории, оказавшееся под угрозой после того, что она видела и слышала накануне вечером, неожиданно восстановилось, и ей вновь стало безопасно, надежно и тепло.

– Спасибо тебе, Эндрю, – необычайно робко поблагодарила девушка. А затем, как это с ней не раз бывало, молниеносно превратившись из девушки в прелестную, благовоспитанную молодую женщину, мягко добавила: – Как чудесно будет выйти замуж за моего лучшего дорогого друга!

– Мне не следовало бы ставить тебя в известность об этом, не поговорив предварительно с твоим отцом. А этого я не могу сделать еще целых три года.

– Ты ему приглянулся, – заверила девушка. – Когда подойдет срок, он нисколько не будет против. Да и как бы он мог возражать, если вы оба так похожи?

Вскоре Виктория вскочила в седло, чувствуя себя бодрой и радостной, но радость угасла, как только она открыла заднюю дверь дома и вошла в уютную комнатушку, служившую для семьи одновременно и кухней, и гостиной.

Мать склонилась над плитой; ее волосы были стянуты в аккуратный узел, а простенькое платье – чистое и выглаженное. На крючках над очагом в отменном порядке висели ситечки, половники, терки, ножи и воронки. Все было аккуратным и чистеньким, как всегда у ее матери. Отец уже сидел за столом за чашкой кофе.

Глядя на них, Виктория почувствовала смущение, тоску и обиду на мать за то, что она отказывала ее замечательному отцу в любви, которой он безуспешно добивался и в которой так нуждался.

Поскольку ранние прогулки дочери были довольно обычным делом, ни мать, ни отец не выказали никакого удивления в связи с ее появлением. Оба взглянули на нее, улыбнулись и пожелали доброго утра. Виктория ответила на приветствие отца, улыбнулась младшей сестре Дороти, но не могла заставить себя поднять глаза на мать. Вместо этого она подошла к кухонным полкам, достала посуду и начала по всем правилам сервировать стол – формальность, на которой ее мать – до мозга костей англичанка – твердо настаивала как на «необходимой для цивилизованной обеденной церемонии».

Виктория сновала между полками и столом, чувствуя напряжение и неловкость, но когда заняла свое место, враждебность к матери постепенно начала сменяться жалостью к ней.

Она наблюдала, как Кэтрин Ситон всеми способами старается загладить свою вину перед мужем, весело заговаривая с ним, заботливо обслуживая его, наполняя чашку дымящимся кофе, подавая кувшинчик со сливками, предлагая добавить свежеспеченных булочек, и все это не останавливаясь ни на секунду и снуя, как челнок, между столом и плитой, на которой готовился его любимый завтрак – вафли.

Виктория поглощала еду без единого слова, чувствуя себя ужасно беспомощной; ее мозг лихорадочно работал в поиске какого-нибудь способа утешить отца в его несчастливом браке.

Решение пришло в тот момент, когда он встал и сообщил, что едет на ферму Джонсона проверить, как заживает сломанная рука маленькой Энни. Виктория вскочила из-за стола.

– Я еду с тобой, папа. Мне давно хотелось попросить, чтобы ты научил тебе помогать.

Родители одновременно удивленно посмотрели на нее, ибо еще никогда она не проявляла ни малейшего интереса к медицине. По существу, до этого дня старшая дочка была хорошеньким беззаботным ребенком, чья жизнь состояла исключительно из веселых забав и эпизодических шалостей. Однако ни один, ни другая не высказали никаких возражений.

Виктория всегда была близка с отцом. Но с этого дня они стали просто неразлучны. Она сопровождала его повсюду, и хотя он категорически не позволял ей помогать при лечении пациентов мужского пола, доктор Ситон был более чем счастлив принимать ее помощь во всех других случаях.

Ни он, ни она никогда не возвращались к печальной теме, которую обсуждали в тот злосчастный рождественский вечер. Вместо этого они заполняли совместное времяпрепрово-

вождение приятными беседами и дружелюбным подшучиванием, ибо, несмотря на душевный надлом, Патрик Ситон был человеком, знавшим цену шутке.

Виктория уже в этом возрасте выделялась среди прочих поразительной красотой, унаследованной от матери, и юмором и мужеством, доставшимися от отца. Теперь же она училась у него также умению сострадать и быть верной идеалам.

Еще будучи маленькой, она заслужила любовь жителей деревни благодаря своей красоте и лучезарной улыбке, перед которой невозможно было устоять. Они любили ее, пока она была прелестной беззаботной девчушкой; а теперь, когда она превратилась в прекрасную леди, они обожали ее за то, что она помогала отцу лечить болезни и подбадривала его пациентов.

## Глава 2

– Виктория, ты действительно уверена, что твоя мать никогда не упоминала имени герцога Атертона или герцогини Клермонт?

Виктория попыталась сосредоточиться и отогнать от себя мрачное видение похорон родителей. Она устремила взор на пожилого седовласого врача, сидевшего за кухонным столом напротив нее. Будучи старинным другом ее отца, доктор Морисон принял на себя ответственность за устройство девочек и обслуживание пациентов доктора Ситона до прибытия нового врача.

– Все, что мы с Дороти знали, так это то, что мама из Англии и что она отдалилась от своей семьи. Она никогда не говорила о ней.

– Может быть, у папы остались родственники в Ирландии?

– Папа вырос там в сиротском приюте. У него не было родителей. – Она вдруг вскопчила. – Можно предложить вам кофейку, доктор Морисон?

– Хватит хлопотать вокруг меня, пойдите-ка вместе с Дороти во двор и посидите на солнышке, – мягко проворчал доктор Морисон. – Ты бледна как полотно.

– Прежде чем я пойду, скажите, может быть, вам что-то нужно? – настаивала Виктория.

– Мне бы нужно сбросить годков этак двадцать, – ответил он с мрачной ухмылкой, затачивая гусиное перо. – Я слишком стар, чтобы справиться с такой нагрузкой – лечением пациентов твоего отца. У себя в Филадельфии я привык частенько посиживать у камина с хорошей книгой в руках, уперев ноги в горячие кирпичи. Не могу даже представить себе, как я буду справляться с этими делами еще в течение целых четырех месяцев до приезда нового врача.

– Я очень сочувствую вам, доктор, – огорченно согласилась девушка. – Знаю, что это крайне тяжело для вас.

– Тебе и Дороти намного тяжелее, – заметил добрый старый врач. – А теперь бегите во двор и прихватите малость тепла от чудесного зимнего солнышка. Ведь это такая редкость, чтобы в январе выдался такой теплый день. А пока вы там будете, я накопаю письма вашим родичам.

Всего неделя прошла с того дня, когда доктор Морисон приехал навестить Ситонов и стал свидетелем несчастного случая: коляска, на которой ехали Патрик Ситон с женой, свалилась с речного обрыва и перевернулась. Патрик погиб на месте, а Кэтрин долго не приходила в сознание и на отчаянные расспросы доктора Морисона о ее родственниках в Англии успела лишь невнятно прошептать:

– ...Бабушка... герцогиня Клермонт.

А затем, перед самой смертью, она прошептала другое имя: «Чарльз».

Доктор Морисон умолял ее сказать его полное имя, и затуманенные глаза Кэтрин на секунду открылись.

– Филдинг, – выдохнула она. – Герцог... Атертон.

– Кем он вам приходится? – тут же спросил врач.

После долгой паузы она чуть слышно вымолвила:

– Кузен...

Теперь доктору Морисону выпала трудная задача найти адреса и связаться с этими родственниками, чтобы выяснить, желает ли кто-нибудь из них принять на свое попечение Викторию и Дороти. Задача тем более затруднительная, что, насколько понимал старый врач, ни герцог Атертон, ни герцогиня Клермонт не имели ни малейшего представления о существовании девочек. С решительным видом доктор обмакнул перо в чернильницу, проставил дату в верхней части листа и сморщил в раздумье лоб.

– Как следует обратиться к герцогине? – спросил он пустую комнату. После длительных размышлений решение пришло ему на ум, и он начал письмо.

«Уважаемая герцогиня!

Передо мной стоит неприятная задача сообщить Вам о трагической гибели Вашей внучки Кэтрин Ситон, а также о том, что две дочери миссис Ситон – Виктория и Дороти – временно оказались на моем попечении. У меня, к сожалению, нет возможности должным образом позаботиться о двух осиротевших молодых леди.

Перед смертью миссис Ситон упомянула лишь два имени – Ваше и Чарльза Филдинга. Поэтому я пишу Вам и сэру Филдингу в надежде, что кто-нибудь из вас либо вы вместе будете рады приютить у себя дочерей миссис Ситон. Должен сказать, что больше девочкам некуда податься. К сожалению, у них почти не осталось средств, и они крайне нуждаются в устройстве».

Доктор Морисон откинулся на спинку стула и, наморщив лоб, озабоченно перечитал письмо. Раз герцогиня не была осведомлена о существовании девочек, можно предположить, что старая леди не пожелает приютить их у себя, не зная о том, что они собой представляют.

Обдумывая, как получше описать их, он повернулся и посмотрел через окно на сестер.

Поникшая Дороти неподвижно сидела на качелях. Виктория чертила что-то на листе, видимо, пытаясь рассеять грустные мысли.

Доктор Морисон решил сначала дать описание Дороти, поскольку это было проще.

«Дороти – хорошенькая девушка, у нее соломенно-желтые волосы и синие глаза. У нее мягкий характер, она хорошо воспитана и привлекательна. В свои семнадцать лет она почти созрела для замужества, но не проявляет заметной склонности ни к одному из молодых людей в округе...»

Доктор Морисон сделал паузу и глубокомысленно поскреб подбородок. По правде говоря, многие молодые люди округи влюблены в Дороти. И разве можно их упрекнуть за это? Она миленькая, веселая, добрая. Да у нее просто ангельский характер, решил доктор Морисон, довольный тем, что нашел правильные слова для ее описания.

Но когда он перешел к Виктории, его седые кустистые брови озадаченно сошлись у переносицы, ибо, несмотря на то что она была его любимицей, описать ее было гораздо сложнее. Цвет ее волос не был золотистым, как у Дороти, но, если быть точным, не был и рыжим; пожалуй, он великолепно сочетал в себе то и другое.

Дороти была славной девчушкой, обаятельной, скромной молодой леди, на которую оборачивались все местные парни. Из нее вышла бы идеальная жена – добрая, нежная, мягкая и послушная. Короче, она относилась к тому типу женщин, которые никогда не станут перечить или пытаться брать верх над мужем.

Что же касается Виктории, то она проводила уйму времени с отцом и в свои восемнадцать обладала живым, активным умом и поразительной способностью принимать самостоятельные решения.

Дороти станет думать так, как подскажет ей муж, и делать то, что он ей укажет, в то время как Виктория доверится лишь своей собственной голове и поступит так, как сочтет наилучшим сама.

«Дороти ангелочек, – решил доктор Морисон, – зато Виктория... вовсе нет».

Скосив через очки глаза на Викторию, которая решительными движениями набрасывала на листе новый эскиз стены, увитой виноградными лозами, он в который раз оценил

ее благородный аристократический профиль и попытался найти подходящие слова для ее описания.

«Смелая, – решил он, понимая, что она рисует потому, что старается занять себя делом, вместо того чтобы все время думать о печальных событиях. – И умеющая сострадать», – подумал он, вспомнив о ее усилиях утешить и ободрить пациентов отца.

В отчаянии доктор Морисон покачал головой. Будучи пожилым человеком, он наслаждался ее умом и чувством юмора; он обожал ее мужество, бодрость и способность к сопереживанию. Но если бы он подчеркнул эти ее черты в письме к их английским родичам, они наверняка сочли бы, что такая независимая, самостоятельная девица совершенно непригодна для семейной жизни и им никогда не удастся сбывать ее с рук.

Правда, еще была вероятность, что когда через несколько месяцев Эндрю Бэйнбридж вернется из Европы, то официально попросит ее руки, но абсолютной уверенности на этот счет у доктора Морисона не было. Отец Виктории и мать Эндрю договорились, что перед помолвкой молодой пары следует проверить их чувства по отношению друг к другу. Для этого представилась возможность, когда Эндрю был отправлен в шестимесячную поездку по Европе.

Доктор Морисон знал, что привязанность Виктории к Эндрю остается сильной и постоянной, зато чувства Эндрю по отношению к ней, по-видимому, неопределенны. Судя по словам миссис Бэйнбридж, Эндрю сильно увлекся своей кузиной, в семье которой он в данное время гостил в Швейцарии.

Доктор Морисон горестно вздохнул, продолжая наблюдать за девушками, одетыми в простые черные платья; одна блистала золотом волос, локоны другой переливались всеми оттенками меди.

«Несмотря на темные одежды, они являют собой весьма привлекательную картину, – любовно подумал он. – Картина!» Воодушевившись, доктор решил, что лучше всего будет просто приложить к каждому письму миниатюрные портреты девушек.

Затем он закончил первое письмо, добавив просьбу посоветоваться с герцогом Атертоном, который получит идентичное послание, и сообщить, как ему поступить в плане попечения над девушками. Затем он написал аналогичное письмо герцогу и краткую записку своему поверенному в Нью-Йорке с просьбой, чтобы этот досточтимый джентльмен поручил надежному человеку в Лондоне отыскать герцога и герцогиню и вручить им письма. Помолвившись Всевышнему, чтобы родственники девушек возместили ему расходы, доктор Морисон поднялся из-за стола и расправил плечи.

А тем временем в саду Дороти, отталкиваясь от земли носком туфли, заставляла качели бесшумно раскачиваться.

– Я все еще не могу поверить в это, – сказала она; в ее голосе слышались одновременно отчаяние и возбуждение. – Мама – внучка герцогини! Что это означает для нас, Тори? Значит ли это, что у нас есть титулы?

Виктория искоса взглянула на нее.

– Да. Это значит, что мы – бедные родственники.

И это было правдой, ибо, несмотря на то что благодарные сельские жители, которых в течение многих лет лечил Патрик Ситон, любили и ценили его, они редко имели возможность расплачиваться деньгами, и он никогда не настаивал на этом.

Вместо этого они платили теми товарами и услугами, которые были им под силу, – мясом, рыбой, дичью для его стола, ремонтом его дома и коляски, свежими булочками и корзинками, полными сочных ягод.

В результате семейство Ситон никогда не испытывало нужды в продуктах, зато денег всегда не хватало, что было заметно хотя бы по тому, что и Дороти, и Виктория носили не единожды штопанные платья нефабричной покраски.

Даже дом, в котором они жили, был предоставлен им местной общиной, так же как дом досточтимого Милби, местного пастора. Жилье предоставлялось им в обмен на медицинские и пасторские услуги.

Дороти проигнорировала резонное замечание Виктории по поводу их статуса и мечтательно продолжала:

– Наш кузен – герцог, а прабабушка – герцогиня! Я все еще не могу в это поверить, а ты?

– Я всегда считала, что с мамой связана какая-то тайна, – отвечала Виктория, удерживая слезы одиночества и отчаяния, туманившие ее синие глаза. – Теперь тайна раскрыта.

– Какая тайна?

Виктория заколебалась; ее карандаш застыл над альбомом.

– Я просто имела в виду, что мама решительно отличалась от всех других женщин, которых я знала.

– Пожалуй, так, – согласилась Дороти и примолкла. Виктория обзревала рисунок в альбоме, лежавшем у нее на коленях, и перед ее затуманенным взором сливались воедино тонкие линии изящно изогнутых роз, которые она рисовала, вспоминая прошедшее лето.

Тайна раскрыта. Теперь объяснялись многие вещи, которые раньше озадачивали и беспокоили ее. Теперь она поняла, почему мать всегда держалась несколько неестественно при встречах с другими женщинами деревни, почему она всегда разговаривала тоном английской аристократки и упорно настаивала, чтобы Виктория и Дороти делали, хотя бы в ее присутствии, то же самое.

Ее генеалогия объясняет, почему девочки должны были выучиться читать и говорить по-французски. Получила объяснение и ее несовместимая с их жизнью утонченность. Отчасти стало понятно и странное, задумчивое выражение, появлявшееся на ее лице в тех редких случаях, когда Кэтрин Ситон упоминала Англию.

Возможно, происхождением объяснялась и странная сдержанность матери в отношениях с собственным мужем: она относилась к нему с мягкой любезностью, не более того. При этом для постороннего глаза она была примерной супругой. Она никогда не скандалила с мужем, никогда не жаловалась на нужду. Виктория давным-давно простила мать за то, что она не любила отца. А теперь, когда Виктория узнала, что мать, должно быть, росла в роскоши, она даже скорее восхищалась ее безропотностью и силой духа.

Доктор Морисон прошел в сад и одарил девушек обезоруживающей улыбкой.

– Я подготовил письма и отошлю их завтра. Если нам повезет, то месяца через три, а возможно, и раньше, мы получим ответ от ваших родных. – И он снова улыбнулся сестрам, довольный той ролью, которую был призван сыграть в воссоединении их с благородными английскими родственниками.

– Ну и что они могут предпринять, когда получают ваши письма, как вы думаете, доктор? – поинтересовалась Дороти.

Доктор Морисон погладил ее по головке и, прищулив глаза от яркого солнца, напряг свое воображение.

– Полагаю, они будут поражены, но не подадут вида. Я слышал, что в высших слоях английского общества не любят проявлять свои эмоции на людях. Как только они прочитают письма, то, вероятно, пошлют друг другу вежливые весточки, а затем один из них нанесет визит другому, чтобы обсудить вопрос о вашем будущем. Дворецкий принесет чай...

Разрабатывая этот великолепный сценарий, доктор не переставал улыбаться. Мысленно он уже представлял себе двух благовоспитанных английских аристократов – состоятельных добрых людей, которые встретятся в элегантно обставленной гостиной, чтобы выпить чаю, принесенного им на серебряном подносе. А уж после займутся обсуждением будущего до той поры неизвестных им, но все равно нежно любимых молоденьких родственниц.



Поскольку герцог Атертон и герцогиня Клермонт являются дальними родственниками Кэтрин, они, безусловно, должны быть друзьями, союзниками...

## Глава 3

– Ее светлость вдовствующая герцогиня Клермонт, – величаво провозгласил дворецкий, стоявший у входа в гостиную, где восседал Чарльз Филдинг, герцог Атертон. Дворецкий отступил в сторону и пропустил представительную пожилую особу, за которой следовал обеспокоенного вида поверенный. Чарльз Филдинг посмотрел на гостью, и его пронизательные карие глаза зажглись ненавистью.

– Не трудитесь вставать, Атертон, – иронически бросила герцогиня, пронзив его столь же «доброжелательным» взглядом, когда он преднамеренно с вызывающим видом остался сидеть.

Не пошевельнувшись, в мертвой тишине, он продолжал смотреть на нее. В свои пятьдесят с лишком Чарльз Филдинг все еще выглядел привлекательным мужчиной с густой шевелюрой с проседью и карими глазами, однако болезнь не прошла для него бесследно. Для своего роста он казался чересчур худым, а лицо его избороздили глубокие морщины, свидетельствовавшие о напряжении и усталости. Не дождавшись на свое появление никакой реакции, герцогиня повернулась к дворецкому.

– Здесь слишком жарко! – заявила она, постучав тростью, отделанной драгоценными камнями, по полу. – Раздвиньте шторы и проветрите комнату.

– Не трогайте! – рявкнул Чарльз; в его голосе кипело отвращение.

Герцогиня бросила в его сторону испепеляющий взгляд.

– Я приехала сюда вовсе не для того, чтобы задохнуться от нехватки воздуха, – зловеще предупредила она.

– Тогда уходите.

Ее тонкая фигура застыла воплощением ярости, вся будто бы состоящая из прямых линий.

– Я прибыла сюда не для того, чтобы задохнуться, – повторила она сквозь плотно стиснутые зубы. – Я приехала, чтобы проинформировать вас о своем решении насчет девочек Кэтрин.

– Вот и сделайте это, – резко сказал Чарльз, – а затем уходите!

Ее глаза от бешеной злобы сузились в щелки, и казалось, даже воздух пропитался ненавистью, но вместо того, чтобы уйти, герцогиня неспешно опустилась на стул.

Несмотря на преклонный возраст, она сидела с абсолютно прямой спиной и имела вид королевы, только вместо короны ее седую голову украшал пурпурный тюрбан, а в руке вместо скипетра она держала трость.

Чарльз недоумевал и настороженно ждал ее дальнейших действий, так как был уверен, что герцогиня настояла на этой встрече лишь затем, чтобы получить удовлетворение, заявив ему прямо в лицо: устройство дочерей Кэтрин абсолютно его не касается! Но раз она удосужилась присесть, следовательно, собирается сказать что-то еще.

– Вы видели портреты девочек?

Взгляд Чарльза упал на миниатюру, лежавшую у него на ладони, и его длинные пальцы конвульсивно сжались, как если бы он хотел защитить портрет. От невыносимой горечи его глаза потемнели, когда он смотрел на портрет Виктории. Девочка была копией своей матери – его прекрасной возлюбленной Кэтрин.

– Виктория – абсолютная копия своей матери, – неожиданно обронила ее светлость.

Чарльз посмотрел на нее, и лицо его мгновенно ожесточилось.

– Я отдаю себе в этом отчет.

– Хорошо. В таком случае вы поймете, почему я не возьму эту девушку к себе. Я возьму вторую. – Поднявшись со стула, как если бы вопрос был решен, она взглянула на своего

поверенного. – Проследите, чтобы доктор Морисон получил банковский чек для возмещения его расходов и еще один чек для оплаты билета на пароход для младшей дочери моей внучки.

– Да, ваша светлость, – поклонился поверенный. – Что-нибудь еще?

– Еще будет масса дел, – отчеканила она напряженно. – Мне предстоит вывести девушку в свет, обеспечить ее приданым. Мне предстоит найти ей мужа, мне...

– А как насчет Виктории? – свирепо прервал ее Чарльз. – Что вы собираетесь предпринять в отношении старшей дочери Кэтрин?

Герцогиня бросила на него сердитый взгляд.

– Я уже сказала – она напоминает мне свою мать, и я не приму ее у себя. Как мне помнится, вам крайне нужна была ее мать. А Кэтрин явно нуждалась в вас – даже будучи при смерти, она произнесла ваше имя. Так что можете приютить у себя хотя бы ее «копию». И если судьба уготовила вам возможность любоваться ее девчонкой, то так вам и надо.

В мозгу Чарльза все еще боролись радость и сомнение, когда старая герцогиня высокомерно добавила:

– Выдайте ее за кого угодно, но только не за своего племянника. Двадцать два года назад я не одобряла союза между моей и вашей семьями, я и теперь против. Я...

Тут она неожиданно замолкла, как будто что-то пришло ей в голову. Глаза герцогини засветились зловещим триумфом.

– Я выдам Дороти за сына Уинстона! – ликуя, объявила она. – Мне хотелось, чтобы Кэтрин вышла за его отца, но она отвергла его из-за вас. Теперь я выдам Дороти за сына – таким образом я добьюсь наконец союза с Уинстонами! – Недобрая улыбка мелькнула на ее морщинистом лице, когда она увидела страдание, появившееся в глазах Чарльза. – После всех этих лет я все еще собираюсь добиться самой великолепной партии для нашего семейства за целое десятилетие! – С этими словами герцогиня покинула комнату в сопровождении своего поверенного.

Филдинг смотрел ей вслед и испытывал нечто среднее между горечью, ненавистью и ликованием. Старая карга только что нечаянно вручила ему то, что ему хотелось заполучить больше всего на свете, – Викторию, ребенка Кэтрин. И ее точный портрет.

Невыносимая радость переполняла Чарльза, но вместе с тем почти тотчас забурлил гнев. Эта коварная, бессердечная старуха собиралась устроить брачный союз с Уинстонами – в точности так, как ей всегда хотелось. Ради этого несусветного союза в свое время она намеревалась пожертвовать счастьем Кэтрин и теперь наконец собиралась добиться своего.

Гнев, овладевший Чарльзом из-за того, что герцогиня была близка к осуществлению давно задуманного плана, чуть не затмил его ликование по поводу Виктории. Затем неожиданно ему в голову пришла мысль...

Прищуриль глаза, он обдумывал ее, рассматривал со всех сторон и наконец улыбнулся.

– Добсон, – громко сказал он дворецкому, – принеси перо и пергамент. Я хочу написать объявление о помолвке. Проследи, чтобы его немедленно доставили в «Таймс».

– Да, ваша светлость.

Чарльз поднял глаза на старого слугу, его лицо отражало лихорадочное ликование.

– Она ошиблась, Добсон. Старая карга ошиблась!

– Ошиблась, ваша светлость?

– Да, ошиблась! Ей не удастся заключить самый великолепный брачный союз за последнее десятилетие, потому что это сделаю я!

Это было ритуалом. Каждое утро приблизительно в девять часов дворецкий Нортроп открывал массивную парадную дверь роскошного загородного дворца маркиза Уэйкфилда и получал экземпляр «Таймс» от лакея, доставлявшего газету из Лондона. Так было и на этот раз.

Затем, как обычно, Нортроп пересек отделанную мрамором приемную залу и передал газету другому лакею, стоявшему перед широкой лестницей.

– «Таймс» для его милости, – торжественно провозгласил он.

Лакей понес газету через залу в столовую, где, по обыкновению, Джейсон Филдинг, маркиз Уэйкфилд, завершал завтрак и читал почту.

– «Таймс» для вашей милости, – робко пробормотал лакей, положив газету рядом с кофейной чашкой маркиза и забрав пустую тарелку. Не говоря ни слова, маркиз взял газету и открыл ее.

Все эти действия исполнялись с прекрасно отработанной и безупречной точностью, ибо лорд Филдинг был апологетом неукоснительного порядка, требовавшим, чтобы в его поместьях и особняках все действовало, как в хорошо отлаженном механизме. Его слуги испытывали перед ним благоговейный страх, относясь к нему как к пугающе недоступному божеству, которое они отчаянно стремились ублажить.

Страстные лондонские красавицы, которых Джейсон таскал с собой на балы, в оперу, на спектакли – и в постель, относились к нему так же, поскольку он третировал их, как и своих слуг. И тем не менее женщины взирали на него откровенно тоскующими глазами, ибо, несмотря на цинизм, Джейсона, несомненно, окружал ореол мужественности, что приводило женские сердца в трепет. У него были черные как смоль волосы, пронизательные глаза отдавали зеленью индийского гагата, губы одновременно выражали твердость и чувственность.

Все черты его загорелого, цвета бронзы, лица носили отпечаток жесткости и силы, начиная с прямых темных бровей и кончая высокомерно выступающим подбородком. Таким же потрясающе мужественным было и его телосложение – шестифутовый рост, широкие плечи, узкие бедра и мускулистые ноги.

Ехал ли он верхом или танцевал на балу, Джейсон Филдинг был так же привлекателен, как грех, – и, без сомнения, так же порочен. Это суждение разделяли многие, ибо каждый, кому довелось заглянуть в его циничные зеленые глаза, мог без колебаний сказать, что в характере этого человека нет ни капли невинности или наивности.

Несмотря на это – или скорее благодаря этому, – женщины тянулись к нему, как прелестные мотыльки тянутся к убийственному пламени, в неодолимом стремлении испытать жар его страсти или насладиться головокружительным теплом его ленивой улыбки, какой бы редкой она ни была.

Искушенные замужние дамы были готовы на все, лишь бы разделить с ним ложе; молодые леди брачного возраста мечтали растопить его ледяное сердце и увидеть его перед собой на коленях.

Некоторые более рассудительные представители светского общества отмечали, что у лорда Филдинга имеются все основания быть циничным, когда дело касается женского пола. Всем было известно, что его жена, приехавшая в Лондон четыре года назад, отличалась весьма скандальным поведением.

С того времени прекрасная маркиза Уэйкфилд успела скомпрометировать себя не одной любовной интрижкой. Она многократно наставляла рога своему мужу; и все знали об этом – включая самого Джейсона Филдинга, который делал вид, что его это не трогает...

Лакей стоял возле стула лорда Филдинга, держа в руках затейливый кофейник из чистого серебра.

– Еще кофе, ваша милость?

Его милость отрицательно мотнул головой и обратил взор на следующую страницу «Таймс». Лакей поклонился и отступил. Он и не ожидал иной реакции, ибо хозяин редко удостоивал слуг ответом.

Он даже не знал имен большинства из них, как вообще ничего о них не знал и знать не собирался. Но по крайней мере ему не было свойственно устраивать слугам разносы и шумные скандалы, чем отличались многие аристократы.

В случае недовольства в зеленых глазах маркиза, устремленных на виновника, появлялось замораживающее выражение, отчего тот превращался в камень. Еще не было случая, чтобы лорд Филдинг повысил голос, даже если его явно провоцировали на это.

Вот почему пораженный лакей чуть не выронил из рук серебряный кофейник, когда Джейсон Филдинг с размаху ударил кулаком по столу так, что зазвенели и запрыгали тарелки, и рывкнул:

– Ах, сукин сын! – Вскочив на ноги, он снова уткнулся в открытую газету, и на его лице появилось выражение гнева и сомнения. – Этот коварный интриган... Только он мог осмелиться на такое! – Бросив убийственный взгляд на остолбеневшего лакея, маркиз вышел из комнаты, выхватил свой плащ у дворецкого, бурей вылетел из дома и направился напрямик к конюшне.

Нортроп закрыл за ним парадное и бросился через залу так быстро, что фалды его черной ливреи захлопали по спине.

– Что случилось с его милостью? – крикнул он, ворвавшись в столовую.

Лакей с забытым кофейником в руке все еще стоял возле только что покинутого лордом Филдингом стула, углубившись взглядом в открытую газету.

– Думаю, его милость что-то вычитал в «Таймс», – выдохнул он и тут же указал на объявление о помолвке Джейсона Филдинга, маркиза Уэйкфилда, с мисс Викторией Ситон. – Я не знал, что его милость собирается жениться, – озадаченно добавил лакей.

– Вряд ли об этом было известно и его милости, – выразил вслух свою мысль Нортроп, пораженно перечитывая объявление. И вдруг, сообразив, что забылся настолько, что снизошел до сплетничанья с младшим по рангу, Нортроп схватил газету со стола и сложил ее. – Вас не касаются дела лорда Филдинга, О'Мэлли. Помните об этом, если собираетесь служить здесь и дальше.

А двумя часами позже коляска Джейсона резко остановилась у подъезда лондонской резиденции герцога Атертона. Из парадного выскочил грум, Джейсон бросил ему вожжи, выпрыгнул из коляски и взбежал на крыльцо.

– Добрый день, ваша милость, – произнес Добсон, открывая парадное и отступая на шаг. – Его светлость ждет вас.

– Еще бы! – коротко бросил Джейсон. – Где он?

– В гостиной, ваша милость.

Джейсон пронесся мимо дворецкого через залу; его быстрые шаги красноречиво свидетельствовали о чувствах, бурливших в нем, когда он распахнул дверь гостиной и направился к величественному седоволосому джентльмену, расположившемуся у камина.

Без какого-либо предисловия Джейсон отрывисто произнес:

– Я полагаю, это вы состряпали сие возмутительное объявление в «Таймс»?

Чарльз невозмутимо взглянул на гостя:

– Да, это я.

– Тогда вам придется опубликовать еще одно, с опровержением.

– Нет, – неумолимо заявил герцог. – Молодая леди приезжает в Англию, и вы женитесь на ней. Помимо прочего, мне нужен от вас внук, и я хочу подержать его в руках до того, как покину этот мир.

– Если вам требуется внук, – огрызнулся Джейсон, – то вам всего лишь нужно найти кого-нибудь из ваших других незаконных отпрысков. Я уверен, что они уже произвели для вас на свет десятки внуков.

При этих словах Чарльз вздрогнул, но в его голосе послышалась зловещая нотка:

– Мне нужен *законный* внук, которого я мог бы представить свету как своего наследника.

– Законного наследника, – повторил Джейсон с ледяным сарказмом. – Вы хотите, чтобы я, ваш незаконный сын, произвел для вас *законного* внука. Скажите-ка мне вот что: если все верят тому, что я ваш племянник, то как же вы рассчитываете узаконить моего сына в качестве своего внука?

– Я представлю его как внучатого племянника, но буду знать, что он мой настоящий внук, а мне только этого и нужно. – Не обращая внимания на беспредельное негодование сына, Чарльз неумолимо заключил: – Мне нужен от вас наследник, Джейсон.

Кровь прилила к голове Джейсона, но он пытался сдержать ярость. Наклонившись, он взялся за ручку кресла отца, и их лица сблизились почти вплотную. Медленно и очень внятно он заявил:

– Я уже говорил раньше и повторяю в последний раз, что не собираюсь больше никогда вступать в брак. Вы понимаете? *Никогда!*

– Почему? – рассердился Чарльз. – Вы же не такой уж женоненавистник. Всем доподлинно известно, что у вас были и бывают женщины и что вы хорошо с ними обращаетесь. По сути, все они, кажется, одна за другой влюбляются и падают в ваши объятия. Очевидно, женщинам нравится бывать в вашей постели, а вам доставляет удовольствие иметь их под боком...

– Замолчите! – взорвался Джейсон.

От болезненного спазма лицо Чарльза скривилось, он поднял руку к груди и длинными пальцами схватился за ворот рубашки.

Затем герцог снова положил руку на колено. Глаза Джейсона сузились, но, несмотря на подозрение, что Чарльз просто симулирует боль, он заставил себя сдержаться, пока отец продолжал говорить:

– Молодая леди, которую я выбрал вам в жены, должна приехать приблизительно через три месяца. В порту ее будет ждать коляска, с тем чтобы она могла отправиться прямо в Уэйкфилд-Парк. Ради приличия я приеду туда к вам и останусь до завершения брачной церемонии. Когда-то я знал ее мать и заметил, как они похожи друг на друга, так что вы не будете разочарованы. – Герцог протянул сыну миниатюрный портрет. – Ладно, Джейсон, – сказал он теперь уже мягким, убеждающим тоном, – разве не любопытно взглянуть на нее?

Попытка Чарльза уговорить его привела к тому, что лицо Джейсона превратилось в гранитную маску.

– Вы зря теряете время. Я не женюсь.

– Женитесь, – пообещал Чарльз, от уговоров перейдя к угрозам. – Потому что если вы не сделаете этого, я лишу вас наследства. Вы уже потратили полмиллиона фунтов своих денег на реставрацию моих поместий, поместий, которые никогда не будут вашими, если вы не женитесь на Виктории Ситон.

Филдинг-младший отреагировал на угрозу испепеляюще презрительным взглядом.

– Пусть ваши драгоценные поместья сгорят дотла. Мой сын погиб – мне больше не требуется никакого наследства.

Герцог заметил, как при упоминании о маленьком сыне глаза Джейсона потемнели, и, разделяя его горе, смягчил тон:

– Я признаю, что поступил несколько поспешно, объявив о вашей помолвке, Джейсон, но у меня были на то веские причины. Возможно, я не могу принудить вас жениться на Виктории, но по крайней мере не настраивайте себя против нее. Обещаю, что вы не ошибетесь с этим браком. Вот посмотрите: у меня в руках миниатюрный портрет, и вы сами увидите, как прекрасна... – при этом он осекся, так как Джейсон круто повернулся и быстрым шагом вышел из комнаты, с треском захлопнув за собой дверь.

Чарльз сердито посмотрел ему вслед.

– Ты женишься на ней, Джейсон, – сказал он вслух, хотя сын уже ушел. – Тебе придется сделать это, пусть даже под дулом пистолета.

Через несколько минут после этого он поднял голову и взглянул на вошедшего Добсона, который принес серебряный поднос с бутылкой шампанского и двумя бокалами.

– Я взял на себя смелость выбрать кое-что подходящее к случаю, – доверительно сообщил счастливый Добсон, устанавливая поднос на стол возле Чарльза.

– В таком случае лучше бы ты принес болиголов, – ухмыльнулся Чарльз. – Джейсон уже отбыл.

Дворецкий помрачнел.

– Уже ушел? Но мне не представилось возможности поздравить его милость с предстоящей женитьбой.

– Значит, тебе здорово повезло, – невесело усмехнулся Чарльз. – Боюсь, в противном случае ты недосчитался бы зубов.

Когда дворецкий ушел, Чарльз взял бутылку, открыл ее и наполнил бокал. С улыбкой, выражавшей решимость, он поднял бокал и провозгласил тост:

– За предстоящую женитьбу, Джейсон.

– Подождите меня несколько минут, мистер Боровски, – сказала Виктория, спрыгивая с повозки, нагруженной вещами.

– У вас достаточно времени, – произнес возница, посасывая трубку и улыбаясь. – Ни я, ни ваша сестра не уедем без вас.

– Поскорее, Тори, – умоляюще попросила Дороти. – Пароход не будет ждать.

– Можете не торопиться, – успокоил ее мистер Боровски. – Я доставлю вас в город и на пристань, к вашему пароходу, еще до ночи, обещаю.

Виктория быстро взбежала на крыльцо весьма внушительного дома, принадлежавшего семье Бэйнбридж и располагавшегося на вершине холма, откуда открывался вид на деревню. Она постучала в тяжелую дубовую дверь.

– Доброе утро, миссис Тилден, – приветствовала она пухленькую домоправительницу. – Вы не могли бы позвать на минутку миссис Бэйнбридж? Я хочу попрощаться с ней и передать письмо для Эндрю, чтобы он знал, по какому адресу писать мне в Англию.

– Я доложу ей о вас, мисс Ситон, – ответила любезная домоправительница, при этом выражение ее лица не было многообещающим, – но сомневаюсь, что она выйдет. Ведь вы знаете, как она себя чувствует, когда ее одолевает приступ болезни.

Виктория понимающе кивнула: она знала все о «приступах болезни» миссис Бэйнбридж. По словам доктора Ситона, мать Эндрю была типичной симулянткой, придумывавшей себе всяческие заболевания, чтобы не делать того, чем ей не хотелось заниматься, и чтобы манипулировать и управлять сыном. Патрик Ситон высказал ей это несколько лет назад прямо в лицо в присутствии дочери, и дама не могла простить его слов им обоим.

Виктория, как и Эндрю, знала, что миссис Бэйнбридж обманщица. По этой причине ее жалобы на учащенное сердцебиение, головокружение, зуд в конечностях оставляли равнодушными представителей семейства Ситон, что – и Виктория это понимала – еще более настраивало женщину против избранницы сына.

Домоправительница возвратилась с мрачным видом.

– Мне очень жаль, мисс Ситон, но миссис Бэйнбридж говорит, что из-за болезни не может повидать вас. Я возьму ваше письмо мистеру Эндрю и передам ей. Она хочет, чтобы я вызвала доктора Морисона, – добавила она с отвращением. – Говорит, что у нее звон в ушах.

– Доктор Морисон бесконечно терпелив с ней, вместо того чтобы сказать: встаньте с постели и займитесь чем-нибудь полезным, – заключила Виктория со сдержанной улыб-

кой, вручая домоправительнице письмо. Если бы корреспонденция в Европу не была столь дорогой, она могла бы отправить свое письмо сама, вместо того чтобы передавать через миссис Бэйнбридж. – Думаю, миссис Бэйнбридж больше устраивает отношение к ней доктора Морисона, чем отношение моего покойного отца.

– Если вы спросите меня, – раздраженно сказала миссис Тилден, – то, по-моему, ваш папа даже чересчур ей нравился. Было невыносимо смотреть, как она наряжается перед тем, как послать за ним посреди ночи, но зато ваш папа, дорогой наш доктор, никогда не позволял себе ничего дурного и не поддавался на ее уловки.

Когда Виктория ушла, миссис Тилден понесла письмо наверх.

– Миссис Бэйнбридж, – произнесла она, подойдя к постели вдовы, – вот письмо мисс Ситон для мистера Эндрю.

– Дай его сюда, – сердито сказала миссис Бэйнбридж удивительно громким для немощной больной голосом, – и немедленно пошли за доктором Морисоном. У меня сильно кружится голова. Когда должен приехать новый врач?

– В течение недели, – ответила миссис Тилден, передавая письмо. Когда домоправительница ушла, миссис Бэйнбридж убрала пряди седых волос под кружевной чепец и с гримасой отвращения посмотрела на письмо, лежавшее подле нее на атласном одеяле.

– Эндрю не женится на этой деревенской мышке, – презрительно сказала она горничной. – Она ничего собой не представляет! Эндрю уже писал мне дважды, что его кузина Мадлен в Швейцарии очень симпатична. Я говорила об этом Виктории, но глупая девчонка не обратила на мои слова никакого внимания.

– Значит, вы думаете, что мистер Эндрю привезет мисс Мадлен и женится на ней? – спросила горничная, помогая взбить подушки, на которых возлежала хозяйка.

Худое лицо миссис Бэйнбридж скривилось от злости.

– Не будь дурой! У Эндрю нет времени для жены. Я говорила ему об этом. У него и без того полно работы, ему нужно заниматься хозяйством и мной. – Затем она подняла письмо двумя пальцами, как будто оно было заразным, и передала горничной. – Ты знаешь, что с ним следует сделать, – бесстрастно добавила вдова.

– Я даже не представляла себе, что где-нибудь может быть одновременно столько народу и стоять такой дикий шум! – вырвалось у Дороти, когда они оказались на пристани в оживленной гавани Нью-Йорка.

По трапам десятков судов взад и вперед сновали грузчики с чемоданами на плечах; над головой скрипели лебедки, поднимая тяжело нагруженные сетки с поклажей с деревянного пирса и перенося на палубу судов. Громкие команды судовых офицеров смешивались со взрывами громового хохота матросов и непристойными предложениями вызывающе одетых женщин, поджидавших на пристани выходящих в город моряков.

– Какое захватывающее зрелище! – заявила Виктория, наблюдая, как два могучих грузчика несут пару чемоданов, в которых уместилось все имущество девушек, на борт судна с красивым названием «Чайка».

Дороти согласно кивнула, но ее лицо затуманилось.

– Да, конечно, но я не могу отделаться от мысли о том, что, когда кончится плавание, мы будем разлучены, и все это – по вине нашей прабабушки. О чем она только думала, когда решила отказать тебе в приюте?

– Не знаю, но ты старайся не сосредоточиваться на этом, – с ободрительной улыбкой заметила сестра. – Думай только о приятных вещах. Посмотри на Ист-Ривер<sup>1</sup>. Закрой глаза и ощути аромат соленого ветра.

---

<sup>1</sup> Река в Нью-Йорке. – Здесь и далее примеч. пер.



Дороти закрыла глаза и сделала глубокий вдох, но тут же сморщила нос.

– Все, что я ощутила, так это запах тухлой рыбы. Тори, если бы наша прабабушка знала тебя получше, то, я уверена, обязательно захотела бы взять тебя к себе. Она не может быть такой жестокой и бесчувственной, чтобы разлучить нас. Я подробно расскажу ей о тебе и добьюсь, чтобы она переменяла свое решение.

– Ты не должна говорить или делать ничего такого, что могло бы ее раздосадовать, – мягко предупредила Виктория. – Пока что и ты, и я целиком зависим от наших родичей.

– Постараюсь по возможности не огорчать ее, – обещала Дороти, – но с помощью различных уловок сделаю так, чтобы ей стало абсолютно ясно: она немедленно должна послать за тобой!

Виктория усмехнулась, но промолчала, и через минуту Дороти вздохнула:

– В том, что мы отбываем в Англию, для меня есть лишь одно утешение: мистер Вильхейм сказал, что если я буду больше практиковаться и усердно работать, то смогу стать концертирующей пианисткой. Он говорил, что в Лондоне есть отличные педагоги, которые смогут обучить меня. Я попрошу, то есть нет, настою, чтобы наша прабабушка позволила мне сделать карьеру пианистки, – закончила Дороти, проявив такую решимость, о существовании которой у этой милой послушной девушки мало кто мог подозревать.

Виктория не стала указывать сестре на возможные препятствия в осуществлении этого замысла, которые пришли ей на ум. Будучи старшей и более рассудительной, она лишь заметила:

– Не слишком сильно настаивай, любовь моя.

– Я буду осторожна, – согласилась Дороти.

## Глава 4

– Мисс Дороти Ситон? – вежливо осведомился джентльмен, отступив в сторону, чтобы пропустить трех здоровенных матросов, нагруженных тяжелыми мешками.

– Да, она самая, – взирая на безупречно одетого седого мужчину, ответила Дороти дрожащим от испуга и волнения голосом.

– Ее светлость герцогиня Клермонт поручила мне проводить вас в ее дом. Где ваши чемоданы?

– Вот они, точнее, один чемодан.

Он покосился через плечо, и два ливрейных слуги соскочили с запяток блестящей черной кареты с золотым гербом на дверце и поспешили взять чемодан.

– В таком случае мы можем отправляться в путь, – сказал незнакомец, когда чемодан погрузили на крышу кареты.

– А как же моя сестра? – упавшим голосом спросила Дороти, в страхе вцепившись в руку Виктории.

– Не сомневаюсь, что люди, встречающие вашу сестру, будут здесь с минуты на минуту. Дело в том, что ваше судно прибыло на четыре дня раньше, чем намечалось по расписанию.

– Не беспокойся обо мне, – утешила ее Виктория, изобразив на лице уверенность, какой вовсе не испытывала.

– Не волнуйтесь, экипаж герцога сейчас будет здесь. У меня же еще есть дела на судне. Поезжайте.

Дороти крепко обняла сестру.

– Тори, я придумаю что-нибудь, чтобы убедить прабабушку пригласить тебя к ней в дом, вот увидишь. Я так боюсь. Не забывай писать мне. Пиши ежедневно!

Виктория осталась там, где стояла, наблюдая, как Дороти грациозно поднимается в карету с золотым гербом на дверце. Подножка была убрана, кучер щелкнул бичом, и запряженный четверкой лошадей экипаж тронулся, увозя Дороти, прощально махавшую рукой из окошка.

Мимо Виктории, толкаясь, с парохода шли матросы, устремлявшиеся затем на поиски хмельного пива и девочек. Не отрывавшая взгляда от быстро удаляющейся кареты, Виктория еще никогда в жизни не чувствовала себя такой одинокой и заброшенной.

Следующие два дня она существовала в тоскливом одиночестве своей каюты, если не считать кратких прогулок по палубе и завтраков и обедов с капитаном Гардинером – обаятельным человеком, который, казалось, наслаждался ее компанией и по-отцовски опекал ее. За последние недели Виктория провела с ним в кают-компании немало времени. Он узнал, по какой причине они с сестрой приехали в Англию, и проявлял исключительные доброжелательность и сочувствие.

Когда к утру третьего дня их пребывания в порту за Викторией вновь никто не приехал, чтобы отвезти ее в Уэйкфилд-Парк, капитан Гардинер решил взять это дело в собственные руки и нанял для нее фаэтон.

– Просто мы прибыли в Англию намного раньше установленного срока, что бывает крайне редко, – пояснил он. – Ваш кузен может не догадаться послать за вами людей и прождать еще пару дней. У меня есть дела в Лондоне, и я не могу оставить вас без опеки на борту судна. Вместо того чтобы терять время на уведомление вашего кузена о прибытии парохода, проще отправить вас прямо к нему.

В пути Виктория восхищенно любовалась открывающимся перед ее взором английским ландшафтом во всем его весеннем великолепии. На холмах и в долинах виднелись целые ряды живых изгородей из розовых и белых цветов. Несмотря на тряску, сопровож-

дающую встречу фаэтона с рытвинами и ухабами, с каждой минутой у нее поднималось настроение. Кучер постучал по дверце, и в окошечке появилось его грубоватое лицо.

– Осталось всего около двух миль, мисс, так что, если хотите...

Все произошло совершенно неожиданно. Колесо нырнуло в глубокую яму, фаэтон упал на бок, голова кучера пропала, а Виктория мешком свалилась на пол. Через минуту дверца резко отворилась, и кучер помог ей выбраться наружу.

– Вы не ушиблись? – озабоченно спросил он. Виктория отрицательно покачала головой, но еще до того, как она успела проронить хоть слово, кучер набросился на двух мужчин, одетых в рабочую одежду фермеров, сконфуженно мявших в руках свои шляпы.

– Вы, проклятое дурачье! Как вы можете так ездить по этой дороге! Смотрите, что вы наделали: у моей повозки сломана ось... – Дальнейшая его тирада сопровождалась крепкими словечками.

Деликатно отвернувшись, чтобы не быть свидетельницей шумной перебранки, Виктория отряхнула юбки, безуспешно пытаясь смахнуть с них приставшую грязь. Кучер полез под повозку проверить сломанную ось, а один из фермеров заковылял к Виктории, продолжая мять в руках потрепанную шляпу.

– Мы с Джеком ужасно виноваты, мисс. Мы подвезем вас в Уэйкфилд-Парк, – то есть если вы не возражаете, чтобы мы уложили ваш чемодан позади, вместе с поросятами?

Благодарная за то, что ей не придется шагать пешком две мили, Виктория охотно согласилась. Она уплатила кучеру из тех денег, которые Чарльз Филдинг прислал ей на путешествие, и вскарабкалась на облучок, усевшись посередине между грузными фермерами. Езда в деревенской повозке, будучи менее престижной, чем в фаэтоне, немногим отличалась по части тряски или комфорта. Свежий ветерок охлаждал лицо, и ничто не мешало ей обозревать прелестный пейзаж.

С обычным своим неподдельным дружелюбием девушка уже вскоре разговорилась со спутниками, расспрашивая о том, как у них идет хозяйство на селе; с этой темой она была немного знакома, и ей хотелось узнать больше. По всей видимости, английские фермеры были решительно настроены против применения машин в сельском хозяйстве.

– Они нас всех оставят без работы, вот какой прок от них, – сказал один из них в конце запальчивой филиппики в осуждение «этих адских штук».

Виктория вряд ли расслышала последнюю фразу, поскольку повозка свернула на мощеную дорогу и проехала в роскошные чугунные ворота, за которыми открывался широкий, казавшийся бескрайним, чуть всхолмленный, ухоженный участок парковой усадьбы с высокими деревьями. Парк простирался в обе стороны насколько хватало глаз, местами его пересекала извилистая речушка, по берегам которой росли розовые, голубые и белые цветы.

– Да это просто сказка! – громко выдохнула девушка, пораженно озираясь. – Чтобы ухаживать за такой усадьбой, должно быть, требуются десятки садовников.

– Именно так, – ответил Джек. – У его милости их сорок, включая тех, которые ухаживают за *настоящими* садами, – я имею в виду сады вокруг дома. – Они ехали по мощеной дороге еще пятнадцать минут, когда повозка сделала поворот и фермер гордо показал пальцем: – Вот он – Уэйкфилд-Парк. Я слышал, что в этом доме сто шестьдесят комнат.

Виктория задохнулась от увиденного и услышанного; в голове металась беспорядочные мысли, от голода посасывало в животе. Перед ней во всем великолепии высилось трехэтажное здание, по виду превосходившее самые фантастические мечты. Построенное из прочного кирпича, с широкими фасадными крыльями и крутой кровлей, оно возвышалось перед ней – настоящий дворец с широкими ступеньками, ведущими к парадному входу, и солнечными бликами в сотнях окон из отборного стекла. Они приблизились к подъезду, и Виктория с трудом оторвала взор от этого великолепия.

Один из фермеров помог ей сойти с повозки.

– Благодарю вас, это было крайне любезно с вашей стороны, – сказала она и медленно пошла вверх по ступеням. От страха ноги у нее подкашивались. Между тем ее попутчики подошли к повозке, чтобы достать ее большой чемодан, но когда они открыли дверцу клетки, из повозки выскочили два поросенка, шмякнулись на землю и помчались по лужайке.

Виктория оглянулась на крики фермеров и нервно хихикнула, глядя, как здоровенные мужики ринулись за шустрými поросятами.

В этот момент перед ее носом распахнулась парадная дверь и суровый мужчина, облаченный в зеленую с позолотой ливрею, кинул сердитый взгляд на фермеров, поросят и неопрятную девушку в запыленной одежде, приближающуюся к нему.

– Доставка товаров, – заявил он Виктории громким зловещим голосом, – производится на задний двор. – И, подняв руку, величественно указал на соответствующую дорожку в объезд дома.

Виктория уже было открыла рот, чтобы объяснить, что не везет никаких товаров, но ее внимание отвлек поросенок, который изменил направление своего бега и теперь мчался прямо к ней, преследуемый задыхающимся фермером.

– Забирай свою повозку, этих свиней и убирайся отсюда вместе с ними! – рявкнул мужчина в ливрее.

От смеха на глаза Виктории навернулись слезы, когда она наклонилась и подхватила сбежавшего поросенка. Смеясь, она попыталась объяснить:

– Сэр, вы не по...

Нортроп проигнорировал ее слова и посмотрел через плечо на лакея, стоявшего позади:

– Избавь нас от всей этой компании! Выстави их прочь со двора...

– Какого дьявола, что здесь происходит? – потребовал отчета мужчина лет тридцати, с черными как смоль волосами, появившийся на ступеньках.

Дворецкий с разгневанным лицом указал на Викторию:

– Эта женщина...

– Виктория Ситон, – поспешно вставила она, пытаясь удержать смех, в то время как напряжение, усталость и голод уже грозили превратить его в нервную истерику.

Она увидела изумление на лице темноволосого мужчины при звуке ее имени, и ее тревога обратилась в буйное веселье.

Не в силах более сдерживаться, она повернулась и бросила дико визжащего поросенка в объятия фермера, затем приподняла запылившийся подол юбки и попыталась сделать книксен. Изо всех сил удерживая хихиканье, она сказала:

– Боюсь, произошла ошибка. Я приехала...

Не успела она наклониться в полупоклоне, как леденящий голос мужчины остановил ее:

– Вашей главной ошибкой был приезд сюда, мисс Ситон. Однако на дворе уже темнеет, и я не могу вас отправить назад, туда, откуда вы явились. – Он схватил ее за руку и грубо потащил за собой.

Виктория мгновенно отрезвела, ситуация из невыразимо комической становилась ужасающе мрачной. Робко она прошла в отделанную мрамором приемную залу, которая могла вместить весь ее дом в Америке. По обе стороны залы на верхние этажи вели широкие витые лестницы, а сверху, через прозрачный купол крыши, лился яркий солнечный свет. Она запрокинула голову, разглядывая купол. Слезы выступили на ее глазах, и все поплыло перед ней. Больше она не в силах была выдержать. Она оставила позади тысячи миль, плывя по бурному океану, и ожидала, что ее примет к себе доброжелательный джентльмен. И вместо этого ее собираются отправить обратно, разлучая навеки с сестрой. Прозрачный купол вращался перед ее взором в калейдоскопе блестящих расплывающихся цветочных пятен.

– Кажется, она сейчас упадет в обморок, – предупредил дворецкий.

– О, ради бога, только не это! – взорвался темноволосый и подхватил ее на руки. Когда он стал подниматься с ней по ступеням, Виктория начала приходить в себя.

– Дайте мне встать на ноги, – хрипло потребовала она, пытаясь вырваться. – Я абсолютно...

– Успокойтесь! – велел негостеприимный хозяин. На верхней площадке он повернул направо, вошел в комнату и направился напрямик к огромной кровати, со всех сторон завешенной серебристо-голубыми портьерами, подвязанными по углам серебристыми бархатными шнурами. Не говоря ни слова, он бесцеремонно уложил ее на голубое атласное покрывало и удержал за плечи, когда она попыталась встать.

Дворецкий с развевающимися фалдами ливреи быстро вошел в комнату.

– Вот, ваша милость, нюхательная соль, – запыхавшись, выговорил он.

Его милость схватил флакон и приставил к носу Виктории.

– Не делайте этого! – крикнула Виктория, пытаясь увернуться от ужасного запаха нашатыря, но он удержал ее. В отчаянии она схватила его за запястье, чтобы остановить. – Чего вы добиваетесь? – воскликнула она. – Вы хотите, чтобы я это съела?

– Великолепная мысль, – мрачно ответил он, но хватка его ослабла и он поводит флаконом в нескольких дюймах от ее носа.

Изнуренная и униженная, Виктория повернула голову набок, закрыла глаза и шумно сглотнула, борясь с душившими ее слезами.

– Я искренне надеюсь, – раздраженно протянул мрачный незнакомец, – что вас не стошнит на постель, потому что, предупреждаю вас, убирать за собой вы будете сами.

Виктория Элизабет Ситон – продукт заботливого восемнадцатилетнего воспитания, до этого момента бывшая мягкой, обаятельной молодой леди – медленно повернула голову и устремила на него испепеляюще злобный взгляд.

– Вы Чарльз Филдинг?

– Нет.

– В таком случае уходите вон или позвольте уйти мне!

Его брови сошлись на переносице, когда он смотрел на мятежную сироту, взиравшую на него блестящими синими глазами, метавшими молнии. Ее волосы раскинулись по подушке, как расплавленное золото, буйные завитки обрамляли лицо, подобное фарфоровой скульптуре, вылепленной мастером. Ее ресницы были невероятно длинными, а губы розовыми и мягкими, как...

Мужчина резко поднялся и быстро вышел из комнаты в сопровождении дворецкого. Дверь за ними закрылась, и Виктория осталась одна.

Она неспешно села, спустила ноги с кровати, затем осторожно поднялась, опасаясь, что снова начнется головокружение. От беспросветного отчаяния она вся окоченела, но ноги держали ее, и она огляделась вокруг.

Слева от нее легкие голубые занавеси, густо прошитые серебряной нитью, обрамляли целую стену, состоящую из окон; в дальнем конце комнаты стояла пара канапе с полосатой серебристо-голубой обивкой.

«Безумная роскошь», – мелькнуло у нее в голове. Она вновь попыталась отряхнуть от грязи юбки, но поняла, что попытки тщетны, еще раз оглядела комнату и горестно села на голубое атласное покрывало.

В смятении она положила руки на колени и попыталась придумать, что делать дальше. Все говорило о том, что ее намерены отправить обратно в Нью-Йорк как никому не нужный багаж. В таком случае для чего мамин кузен, герцог, пригласил ее приехать? Где он? Кто этот другой мужчина?

Она не могла поехать к Дороти и прабабушке, ибо герцогиня написала доктору Морисону записку, из которой совершенно определенно следовало, что именно Дороти, одну только Дороти, ждут в ее доме.

Виктория нахмурилась, и от смятения на ее гладком лбу пролегла глубокая складка. Поскольку по лестнице ее нес молодой темноволосый мужчина, то, вероятно, *он* был слугой, а статный седовласый мужчина, открывший парадную дверь, был герцогом. Первоначально же она приняла его за старшего слугу – вроде миссис Тилден, домоправительницы, которая всегда встречала гостей в доме Эндрю.

Кто-то постучал в дверь, и Виктория виновато вскочила с постели и аккуратно разгладила покрывало, перед тем как отозваться.

– Войдите.

Вошла горничная в накрахмаленном черном платье, белом переднике и белом чепце, с серебряным подносом в руках. За ней, подобно марионеткам, появились еще шесть горничных в такой же черной униформе, с ведрами, полными дымящейся воды. За ними – два лакея в зеленых ливреях с золотыми галунами: они принесли ее чемодан.

Первая горничная поставила поднос на стол между канапе, а остальные исчезли в соседней комнате. Лакеи опустили чемодан возле кровати. Через минуту они все гуськом вышли, напомнив Виктории оживших деревянных солдатиков. Единственная оставшаяся горничная обратилась к Виктории, смущенно стоявшей у кровати.

– Здесь еда для вас, мисс, – сказала она; ее простое лицо было намеренно невыразительным, но голос – робким и приятным.

Виктория прошла к канапе и села; от вида поджаренных хлебцев с маслом и горячего шоколада у нее потекли слюнки.

– Его милость сказали, что вы должны принять ванну, – сообщила горничная и пошла в смежную комнату. Виктория выждала и поднесла чашку ко рту.

– Его милость? – повторила она. – Это тот... джентльмен... которого я видела у парадного? Плотный седой мужчина?

– Бог ты мой, нет! – удивленно ответила горничная. – Это мистер Нортроп, дворецкий, мисс.

Облегчение, которое она почувствовала, было недолгим, так как горничная нерешительно добавила:

– Его милость – высокий мужчина с черными кудрями.

– Так это он сказал, что я должна принять ванну? – сердито спросила Виктория.

Горничная, зарумянившись, кивнула.

– Ладно, мне действительно это нужно, – неохотно согласилась Виктория. Она съела тост, допила шоколад, затем прошла в смежную комнату, где горничная сыпала ароматическую соль в дымящуюся воду.

Медленно снимая запыленное и помятое в путешествии платье, девушка вспомнила о содержании краткой записки, которую прислал ей Чарльз Филдинг, приглашая к себе в Англию. Казалось, он очень заинтересован в этом.

«Приезжайте немедленно, дорогая моя, – писал он. – Вас не просто ждут, но ждут с нетерпением». Тогда, может быть, ее вовсе не собираются отправлять обратно? Возможно, «его милость» что-то напутал?

Горничная помогла ей промыть волосы, затем поднесла мохнатое полотенце и поддержала ее при выходе из ванны.

– Я убрала вашу одежду, мэм, и приготовила постель на тот случай, если вы захотите вздремнуть.

Виктория улыбнулась и спросила ее имя.

– Мое имя? – повторила горничная, удивленная, что это интересует гостью. – Почему вы спрашиваете? Мое имя – Рут.

– Большое спасибо, Рут, – сказала Виктория, – за то, что вы убрали мою одежду.

Краска удовольствия проступила на веснушчатом лице горничной, которая сделала легкий книксен и направилась к дверям.

– Ужин в восемь, – сообщила она на ходу. – В Уэйкфилде его милость редко придерживается принятого здесь расписания.

– Да, Рут, – чувствуя неловкость, спросила Виктория, когда горничная подошла к двери, – здесь что, два... их милости? То есть меня интересует Чарльз Филдинг...

– О, вы говорите о его светлости! – Рут оглянулась, как бы беспокоясь, что ее могут услышать. – Он еще не приехал, но к ночи мы ждем его прибытия. Я слыхала, как его милость велел Нортропу уведомить его светлость о вашем приезде.

– А какой он из себя... м-м... его светлость? – спросила Виктория, чувствуя, как глупо употреблять эти странные титулы. Рут уже было собиралась описать его, но затем передумала.

– Простите, мисс, но его милость не позволяет слугам сплетничать. И нам также не разрешается фамильярничать с гостями. – Она присела в поклоне и удалилась, шурша накрахмаленными черными юбками.

Виктория была поражена тем, что два человека не имеют права поговорить в этом доме только потому, что один – слуга, а другой – гость, но, вспомнив свое краткое знакомство с «его милостью», она вполне могла представить себе, что он способен дать такое бесчеловечное указание.

Виктория достала из гардероба ночную сорочку, надела ее и забралась в постель. Роскошный шелк простыней ласкал ее кожу, и, засыпая, она молила Всевышнего, чтобы Чарльз Филдинг оказался более доброжелательным человеком, чем другой – его милость. Ее длинные темные ресницы, подрагивая, опустились, прикрыв щеки подобно мягким опахам, и она погрузилась в сон.

## Глава 5

Через открытые окна лился солнечный свет, а по комнате гулял легкий ветерок, мягко овевавший лицо Виктории. Где-то внизу по брусчатке цокали конские копыта, а на подоконник одновременно уселись две птицы, тут же затеявшие шумную ссору. Их раздраженное щебетание постепенно нарушило счастливый сон о родимом доме и пробудило Викторию.

Полусонная, она перевернулась на живот и зарылась лицом в подушку. Вместо привычной грубоватой ткани домашней наволочки, пахнувшей мылом, ее щека коснулась гладкого шелка. Смутно сознавая, что это не ее постель и что внизу нет мамы, готовящей завтрак, Виктория еще крепче зажмурилась, пытаясь восстановить прервавшийся безмятежный сон, но тщетно. Она неохотно повернулась и открыла глаза.

В ярком утреннем свете она разглядывала серебристо-голубые занавеси, между которыми ее кровать находилась как в шелковом коконе, и вдруг девушка все вспомнила. Она находится в Уэйкфилд-Парке и проспала с вечера до утра.

Убрав пряди волос со лба, она присела и откинулась на подушки.

– Доброе утро, мисс, – приветствовала ее Рут.

Виктория подавила испуганное восклицание: она только сейчас заметила девушку.

– Я не хотела будить вас, – поспешно извинилась маленькая горничная. – Дело в том, что его светлость находится внизу и велел спросить, не соизволите ли вы позавтракать вместе с ним?

Ободренная известием, что герцог желает повидать ее, Виктория откинула одеяло.

– Я погладила вашу одежду, – сказала Рут, открывая шкаф. – Что вы собираетесь надеть?

Виктория выбрала лучший из своих нарядов – мягкое черное платье из муслина с низким квадратным вырезом, украшенное крошечными белыми розанами, аккуратно вышитыми ею на длинных рукавах и кайме во время долгого путешествия.

Отказавшись от услуг Рут, девушка сама натянула платье на нижние юбки и обернула вокруг тонкой талии широкий черный пояс.

Пока горничная застилала постель и убирала и без того опрятную спальню, Виктория присела у туалетного столика и привела в порядок волосы.

– Я готова, – вставая, сказала она; глаза девушки светились в ожидании неведомого, а щеки цвели здоровым румянцем. – Вы не подскажете мне, где я могу найти... м-м... его светлость?

Ноги Виктории утонули в толстом ворсе красного ковра, когда Рут повела ее вниз по спиральной мраморной лестнице, через приемную залу, туда, где два лакея стояли на страже у дверей из красного дерева, украшенных богатой резьбой. Не успела она перевести дух, как лакеи бесшумно и величественно распахнули створки дверей, и Виктория оказалась в зале длиной около девяноста футов<sup>2</sup>; в центре зала стоял длинный стол красного дерева, над которым висели три гигантские хрустальные люстры. Сначала ей показалось, что в зале никого нет, и она пробежала глазами по обитым золотистым бархатом стульям с высокими спинками, стоявшим по обе стороны огромного стола. Но затем услышала шелест газеты. Не представляя, кто это может быть, она медленно обошла стол и остановилась.

– Доброе утро, – тихо произнесла она.

Чарльз повернул голову и уставился на нее. Лицо его побелело.

– Боже всемогущий! – выдохнул он, медленно поднявшись и устремив взгляд на экзотическую юную красавицу, стоявшую перед ним.

<sup>2</sup> 1 фут равен 30,48 см.



Вылитая Кэтрин, какой она была много лет назад. Как хорошо он помнил и с какой любовью вспоминал это невероятно прекрасное, тонко очерченное лицо с грациозно изогнутым разлетом бровей и длинными густыми ресницами, обрамляющими глаза, напоминающие огромные мерцающие сапфиры! Он узнал этот мягкий смеющийся рот, крошечную очаровательную ямку в центре упрямого подбородка и пышную массу золотисто-рыжих волос, небрежно спадающих на плечи.

Ухватившись левой рукой за спинку стула, чтобы выпрямиться, он протянул ей дрожащую от волнения правую.

– Кэтрин, – прошептал он.

Виктория неуверенно вложила руку в его ладонь, и длинные пальцы Чарльза крепко сжали ее.

– Кэтрин, – снова хрипло прошептал он, и Виктория заметила блеснувшие в его глазах слезы.

– Кэтрин звали мою мать, – мягко сказала она.

Его пальцы чуть ли не до боли сжали ее руку.

– Да, – прошептал он. Затем прокашлялся, и его голос обрел нормальное звучание. – Да, конечно, – сказал он и тряхнул головой, как бы для того, чтобы прийти в себя.

Виктория обратила внимание на то, что он был невообразимо высок и очень худ. Его карие глаза всматривались в каждую черточку ее лица.

– Итак, – оживленно начал он, – вы дочь Кэтрин.

Виктория кивнула, еще не зная наверняка, как все это следует понимать.

– Меня зовут Виктория.

Странная нежность мелькнула в его глазах.

– А меня – Чарльз Виктор Филдинг.

– Ах вот как, понятно, – промямлила она.

– Нет, – сказал он, – вам непонятно. – При этом герцог улыбнулся, и улыбка была такой мягкой, что он сразу стал выглядеть гораздо моложе. – Вам ничего не понятно. – А затем неожиданно он заключил ее в крепкие объятия. – Добро пожаловать домой, дитя мое, – глухим от волнения голосом проговорил он, похлопывая ее по спине и еще крепче прижимая к своей груди. – Добро пожаловать!

И у Виктории появилось странное ощущение, что она действительно попала в родной дом.

С хитрой улыбкой он отпустил ее и пододвинул ей стул.

– Должно быть, вы умираете от голода. О'Мэлли! – позвал он лакея, ожидавшего подле серванта, в котором красовались серебряные блюда. – Мы оба до смерти голодны.

– Да, ваша светлость, – отвечивший лакей, повернулся и начал наполнять тарелки.

– Прошу меня простить за то, что я не выслал своевременно карету в порт, – мотнув головой, сказал Чарльз. – Я даже не мог себе представить, что вы приедете раньше срока, так как мне говорили, что обычно депеши из Америки приходят с опозданием. Ну да ладно. Надеюсь, путешествие было приятным? – поинтересовался он, пока лакей расставлял тарелки с яйцами, картофелем, почками, ветчиной и хрустящими французскими булочками.

Виктория посмотрела на ряды узорных золотых ножей и вилок по обе стороны от ее тарелки и мысленно вознесла хвалу матери за то, что их с Дороти научили правильно пользоваться ими.

– Да, путешествие было очень славным, – улыбнулась она, а затем с неловкой робостью добавила: – Ваша светлость.

– Бог ты мой, – хмыкнул Чарльз, – вряд ли нам стоит быть такими официальными! В таком случае мне пришлось бы называть вас графиней Лэнгстон или леди Викторией. Меня

это ни в коей мере не устраивает – я бы предпочел, чтобы вы называли меня дядей Чарльзом, а я величал вас Викторией. Что скажете?

Виктория ощутила, как в ее душе зарождается теплая привязанность, и ответила:

– Что ж, я не против. Я уверена, что никогда бы не сумела отозваться на обращение «графиня Лэнгстон» – кто бы она ни была, – да и «леди Виктория» как-то не вяжется со мной.

Положив салфетку на колени, Чарльз бросил на нее странный взгляд.

– Но на самом деле и то и другое относится именно к вам. Ваша мать была единственным ребенком у графа и графини Лэнгстон. Они скончались, когда Кэтрин была юной девушкой, их титул происходил из древнего шотландского рода и перешел к ней. Вы ее старший ребенок, так что теперь этот титул ваш.

Синие глаза девушки сверкнули веселой искоркой.

– Ну и что же мне с этим делать?

– То же, что делаем мы все! – хмыкнул он. – Афишируйте это. – Он выждал, пока О’Мэлли поставил перед ним тарелку. – Между прочим, кажется, в Шотландии есть небольшое поместье, наследуемое вместе с этим титулом. А может, я ошибаюсь. Что об этом говорила ваша мать?

– Ничего. Мама никогда не говорила об Англии или ее жизни в те времена. Мы с Дороти всегда считали, что она... как бы это сказать... обыкновенный человек.

– В вашей матери не было ничего «обыкновенного», – мягко заметил он. В его голосе Виктория уловила волнение, и это ее удивило, но когда она начала расспрашивать о жизни матери в Англии, он покачал головой и непринужденно пояснил: – В один прекрасный день я расскажу вам все о... обо всем. Но не сейчас. Пока давайте получше узнаем друг друга.

Целый час пробежал незаметно, пока Виктория отвечала на четко сформулированные вопросы Чарльза. К концу завтрака стало ясно, что он получил полное представление о ее жизни до того самого момента, когда она прибыла к подъезду его дома с визжащим поросячком в руках. Девушка рассказала ему о деревенских телятах, об отце и об Эндрю. По непонятной причине рассказ об этих двух людях сильно испортил ему настроение, но в то же время он проявил наибольший интерес именно к ним. Расспросов о матери он осторожно избегал.

– Признаюсь, меня повергает в недоумение вопрос о вашей помолвке с этим Эндрю Бэйнбриджем, – заметил он, нахмурив лоб, когда она окончила свой рассказ. – В письме, полученном мной от доктора Морисона, не было никакого упоминания об этом. Совсем наоборот – в нем говорилось, что у вас с сестрой никого нет. А ваш отец дал благословение на этот брак?

– И да и нет, – ответила Виктория, удивленная его реакцией. – Понимаете ли, мы давно знакомы с Эндрю, но папа всегда настаивал на том, что официальная помолвка может состояться не раньше, чем мне исполнится восемнадцать. Он считал, что это слишком серьезное дело, чтобы решать его в более молодом возрасте.

– Весьма разумно, – согласился Чарльз. – Однако вам исполнилось восемнадцать до того, как погиб ваш отец, и тем не менее официальной помолвки с Бэйнбриджем еще не было, так?

– Да, это так.

– Причина в том, что ваш папа все еще не давал своего согласия?

– Не совсем. Незадолго до того, как мне исполнилось восемнадцать, миссис Бэйнбридж – мама Эндрю – предложила Эндрю поехать за границу по сокращенной программе гранд-тура, чтобы испытать наши чувства и дать ему возможность, как она выразилась, «последний раз погулять». Эндрю считал, что эта идея бессмысленна, но мой папа был абсолютно согласен с миссис Бэйнбридж.

– Мне представляется, что ваш отец, по существу, не был сторонником вашего брака с молодым человеком. В конце концов, вы знали друг друга в течение многих лет, так что вряд ли было необходимо проверять серьезность ваших чувств. Похоже, что это было не причиной, а скорее предлогом. И по-моему, мать Эндрю также не в восторге от предстоящего брака.

В словах герцога сквозила отчетливая неприязнь к союзу с Эндрю, поэтому Виктории не оставалось ничего иного, как правдиво изложить всю непростую ситуацию:

– У папы не было сомнений в том, что Эндрю составит мне прекрасную партию. Зато были серьезные сомнения относительно моей жизни с будущей свекровью. Понимаете, она вдова и очень привязана к Эндрю. Кроме того, она постоянно болеет, из-за чего порой становится несколько неуравновешенной.

– Хм-м, – понимающе хмыкнул герцог. – И насколько серьезны эти заболевания?

Виктория покраснела.

– По словам отца, которые он высказал в моем присутствии прямо ей в глаза, ее болезни надуманные. Когда она была совсем молодой, у нее действительно были проблемы с сердцем, но папа говорил, что станет гораздо хуже, если она будет продолжать вести лежачий образ жизни и стонать от жалости к себе. Понимаете ли, они недолюбливали друг друга.

– Да, и, кроме того, понимаю почему! – ухмыльнулся герцог. – Ваш папа был абсолютно прав, ставя преграды на пути вашего брака, моя дорогая. Ваша жизнь стала бы весьма несчастливой.

– Все нет, – твердо заявила Виктория, полная решимости выйти за Эндрю, с одобрения герцога или без оно. – Эндрю сознает, что его мать использует свои болезни, чтобы крепче держать его в руках, но он не позволяет ей вмешиваться в его жизнь. Он согласился отправиться в этот тур только потому, что на этом настоял мой отец.

– Много ли писем пришло от него?

– Только одно, но, видите ли, Эндрю уехал в Европу всего за две недели до несчастья с моими родителями, а письма между Европой и Америкой идут приблизительно столько же. Я написала ему, сообщив, что случилось, и перед самым отъездом в Англию послала еще одно письмо, с моим новым адресом. Думаю, он сейчас уже направляется домой, полагая, что едет выручать меня. Мне хотелось остаться в Нью-Йорке и подождать его возвращения, но доктор Морисон не желал и слушать об этом. По неведомой причине он убежден, что чувства Эндрю не выдержат испытания временем. Очевидно, об этом ему сказала миссис Бэйнбридж, это в ее духе. – Виктория вздохнула и посмотрела в окно. – Она бы предпочла, чтобы Эндрю женился на более состоятельной девушке, а не на дочери врача, у которого не было ни пенни.

– Или, скорее, чтобы он вообще не женился, а оставался прикованным к ее постели? – подняв брови, предположил герцог. – Вдова, притворяющаяся больной, представляется мне весьма эгоистичной, властной особой.

Виктория не могла отрицать этого и потому снисходительно промолчала, добавив лишь:

– Некоторые жители деревни предлагали мне пожить у них до возвращения Эндрю, но такой вариант был не очень хорош. Эндрю, узнав об этом, пришел бы в ярость.

– Из-за вас? – нахмурившись, спросил герцог.

– Нет, из-за матери, поскольку она не настаивала, чтобы я осталась с ней.

– Ах вот оно что, – понял он, но, несмотря на то что ее объяснение полностью оправдало Эндрю, Чарльз продолжал оставаться удрученным. – Складывается такое впечатление, что этот парень не что иное, как образец провинциальной добродетели, – пробормотал он.

– Он вам очень понравится, – улыбаясь, сказала Виктория. – Он придет, чтобы забрать меня домой, вот увидите.

Чарльз похлопал ее по руке:

– Давайте забудем об Эндрю и будем радоваться тому, что вы в Англии. А теперь расскажите мне о своих первых впечатлениях...

Виктория поведала, что ей очень понравились ландшафты, которые она успела увидеть, а Чарльз описал ей свои планы в отношении ее пребывания в этой стране. Для начала он хотел, чтобы она обновила гардероб, и для этого намеревался предоставить в ее распоряжение опытную горничную. Виктория было собралась отказать, когда вдруг заметила вчерашнего мрачного незнакомца, стремительно подошедшего к столу и уверенно занявшего свое место.

Бриджи из оленьей кожи обрисовывали его мускулистые ноги, а в расстегнутом вороте белой рубашки виднелась загорелая шея. В это утро он показался ей еще более высоким, чем накануне, стройным и превосходно сложенным.

Его черные волосы слегка завивались, нос был прямой, строгий рот тонко очерчен. Если бы не надменная властность, проявлявшаяся в линии подбородка, и не цинизм, светившийся во взгляде холодных зеленых глаз, Виктория могла бы назвать его даже красивым.

– Джейсон, – добродушно сказал Чарльз, – позвольте представить вас Виктории. Джейсон – мой племянник, – добавил он, обращаясь к девушке.

Племянник! Она-то надеялась, что он просто гость, а оказывается, он – родственник, вероятно, живущий вместе с герцогом. От этого ей стало несколько не по себе, но гордость заставила ее поднять подбородок и спокойно встретить жесткий взгляд Джейсона. Ответив на официальное представление коротким кивком, он сел напротив нее и посмотрел на О’Мэлли.

– Вряд ли можно надеяться, что еще осталась какая-нибудь еда?

Лакей заметно перепугался.

– Я... нет, милорд. Не осталось. То есть еды достаточно, но она остыла. Сейчас же сбегая на кухню и передам повару, чтобы он приготовил все, что нужно. – С этими словами он исчез.

– Джейсон, – сказал Чарльз, – я как раз предлагал Виктории взять подходящую горничную и обновить гардероб, чтобы...

– Нет, – резко ответил Джейсон.

Желание немедленно скрыться подавило все прочие чувства Виктории.

– Если вы извините меня, дядя Чарльз, – сказала она, – мне... мне нужно кое-что сделать.

Чарльз одарил ее благодарным извиняющим взглядом и любезно поднялся, но его племянник лишь откинулся на спинку стула и наблюдал, как она ретировалась, со скучающим презрительным видом.

– Виктория ни в чем не виновата, – начал Чарльз, пока лакей закрывал за девушкой дверь. – Вы должны понять это.

– Неужто? – с сарказмом протянул Джейсон. – А сознает ли эта маленькая нищенка, что это мой дом и что она мне здесь не нужна?

Двери затворились за ней, но его слова успели долететь до нее. Нищенка! Маленькая нищенка! Тошнотворная волна унижения обожгла ее сердце, когда она, ничего не видя перед собой, бежала через залу. Судя по всему, Чарльз пригласил ее сюда, не получив согласия племянника.

Лицо девушки было бледным, но решительным, когда она вошла в спальню и открыла чемодан.

А в это время в столовой Чарльз продолжал уговоры:

– Джейсон, вы не понимаете...

– Вы пригласили ее в Англию, – сердито говорил Филдинг-младший. – Раз она так нужна вам, то возьмите ее к себе в Лондон.

– Не могу, – возразил герцог. – Она еще не готова к светской жизни. Многое предстоит сделать, прежде чем она выйдет в свет. Например, нужно взять для нее опытную компаньонку для появления в обществе.

Джейсон нетерпеливо кивнул лакею, ожидавшему рядом с серебряным кофейником.

Затем он резко заявил:

– Я хочу, чтобы ее завтра же здесь не было, я ясно выражаюсь? Забирайте ее в Лондон или отошлите домой, но мне она здесь не нужна! Я не собираюсь тратить на нее и цента. Если вы хотите помочь ей выйти в свет, то найдите другой способ для оплаты необходимых расходов.

Чарльз устало потер виски.

– Джейсон, я знаю, что вы не так бессердечны, как можно заключить из ваших слов. По крайней мере позвольте мне рассказать о ней.

Откинувшись на спинку стула, Джейсон со смертельно скучающим видом смотрел на герцога, упрямо пытавшегося добиться своего.

– Ее родители погибли несколько месяцев назад от несчастного случая. За один трагический день девушка потеряла мать, отца, дом, безопасность – все.

Джейсон вновь не проронил ни слова и остался недвижим, тогда Чарльз вышел из себя.

– Проклятие! Вы забыли, что чувствовали, когда потеряли Джейми? Виктория лишилась всех, кого любила, включая молодого человека, с которым должна была заключить помолвку. Она настолько неопытна, что верит, будто парень примчится выручать ее в ближайшие несколько недель, хотя его мать против их союза. Помяните мое слово: сейчас, когда его с Викторией разделяет целый океан, он подчинится своей мамаше. Ее сестра теперь находится под опекой герцогини Клермонт, так что и с ней она разлучена. Подумайте о ее чувствах, Джейсон. Ведь вы знаете, что такое смерть и утрата, – или вы уже забыли, какая это мука?

Слова герцога, очевидно, дошли до Джейсона и достигли своей цели – он поморщился. Чарльз заметил это и удвоил усилия:

– Она невинна и растерянна, как дитя. На всем белом свете у нее нет никого, кроме меня... и вас, хотите вы этого или нет. Представьте себе Джейми в подобных обстоятельствах. Но у Виктории есть мужество и гордость. Например, хотя она и рассказывала об этом со смехом, могу сказать, что вчерашний прием был для нее крайне унижительным. Если она поймет, что ее пребывание здесь нежелательно, она найдет способ убежать. А если это случится, – натянута добавил Чарльз, – я никогда вам этого не прощу. Клянусь!

Джейсон резко отодвинул свой стул и поднялся с непроницаемо жестким выражением лица.

– Между прочим, не является ли она еще одним вашим побочным ребенком?

Чарльз побледнел.

– Господи Боже, конечно, нет! – И когда Джейсон хмыкнул, Филдинг-старший в отчаянии добавил: – Подумайте, что вы говорите! Разве я объявил бы о вашей помолвке, если бы она была моей дочерью?

Вместо того чтобы успокоить Джейсона, это заверение лишь напомнило о помолвке, мысль о которой и так бесила его.

– Если ваш ангелочек так невинен и мужествен, то отчего же она согласилась принести себя в жертву ради брака со мной?

– А, это? – Чарльз махнул рукой. – Я опубликовал объявление, не уведомив ее; она пока ничего не знает. Считайте, что я несколько поторопился. Заверяю вас, у нее нет ни малейшего желания выходить за вас.

Ледяной взгляд Джейсона начал оттаивать, и Чарльз поспешил окончательно закрепить победу:

– Сомневаюсь, что Виктория согласилась бы на этот брак, даже если бы это вас устроило. Вы чересчур циничны, жестоки и пресыщенны для такой хорошо воспитанной, идеалистически настроенной девушки, как она. Она восторгалась своим отцом и честно призналась мне, что хотела бы выйти за мужчину, подобного ему, – чувствительного, с благородными манерами, идеалиста. Вы же – полная противоположность, – продолжал он, увлеченный тем, что, кажется, задел душу собеседника.

Однако при этом герцог не заметил, как его тирада перешла в оскорбление.

– Осмелюсь сказать: если бы она узнала, что ей грозит брак с вами, с ней бы случился обморок! Да она наложила бы на себя руки до того...

– Достаточно, я уже получил полное представление об этом, – мягко прервал его Филдинг-младший.

– Хорошо, – усмехнувшись, сказал Чарльз. – Тогда могу я просить вас об одолжении? Пусть она ничего не знает о злосчастном объявлении. Я подумаю о том, как дать опровержение без неприятных последствий для каждого из вас, но только не сейчас. – Когда он увидел, что в ответ на его улыбку глаза Джейсона сузились, Чарльз тут же отрезвел. – Она еще дитя, Джейсон, – храброе, гордое дитя, пытающееся найти свой путь в жестоком мире, к встрече с которым она не готова. Если мы дадим опровержение тотчас после ее приезда, она станет посмешищем для всего Лондона. Люди скажут, что стоило вам взглянуть на нее, как вы убежали без оглядки.

Видение темных ресниц, сияющих синих глаз и лица, слишком прекрасного для того, чтобы быть реально существующим, промелькнуло в мозгу Джейсона. Он вспомнил мягкую улыбку, коснувшуюся ее розовых губ до того, как она заметила его присутствие в столовой. Кажется, она действительно была подобна ранимому ребенку.

– Пойдите поговорите с ней, – попросил Чарльз.

– Поговорю, – неожиданно быстро согласился тот.

– Но постараетесь ли вы убедить Викторину, чтобы она чувствовала себя как дома?

– Это будет зависеть от того, как она поведет себя, когда я найду ее.

Виктория выхватила из шкафа еще одну охапку белья, в то время как ее мозг сверлили слова Джейсона Филдинга. *«Маленькая нищенка... она не нужна мне здесь... Маленькая нищенка...»* Оказывается, она вовсе не нашла себе нового дома. Судьба просто сыграла с ней злую шутку.

Девушка набила чемодан бельем. Поднявшись, она было снова обратилась лицом к шкафу и тут же в изумлении застыла.

– Вы! – приглушенно воскликнула она, увидев в дверном проеме высокую фигуру своего врага, стоявшего со скрещенными на груди руками. Злясь на себя, что позволила ему увидеть свой испуг, она высоко подняла подбородок, полная решимости не допустить новых угроз и оскорблений. – Вам бы следовало научиться стучать, перед тем как заходить к людям.

– Стучать? – повторил он, сухо усмехнувшись. – Даже когда дверь настежь открыта? – Его внимание привлек наполненный чемодан, и он поднял брови. – Вы уезжаете?

– Несомненно.

– Почему же?

– Почему? – вырвалось у нее. – Да потому что я не «маленькая нищенка» и, к вашему сведению, мне *ненавистна* сама мысль о том, что я кого-то обременяю.

Вместо того чтобы почувствовать себя виноватым, он, казалось, даже немного разве-селился.

– А вас, случайно, не учили тому, что подслушивать нехорошо?

– Я и не подслушивала, – возразила Виктория. – Вы распекали меня на чем свет стоит таким голосом, который, должно быть, слышали даже в Лондоне.

– Куда же вы собираетесь отправиться? – спросил он, пропуская мимо ушей ее язвительную реплику.

– Это не ваше дело.

– Не грубите! – сказал он холодным повелительным тоном.

Виктория смерила его презрительным взглядом. На его лице читалась угроза. У него были широкие плечи и мощная грудь; рукава белой рубашки, подвернутые до локтя, обнажали бронзовые от загара мускулистые руки, чью силу она уже испытала, когда накануне он нес ее наверх.

Она знала также, что он отличался взбалмошным характером, и, судя по зловещему взгляду его жестких гагатово-зеленых глаз, он, кажется, даже собирался силой вырвать у нее ответ. Чтобы не дать ему такой возможности, Виктория холодно сказала:

– У меня есть небольшая сумма. Постараюсь остановиться в какой-нибудь деревне.

– В самом деле? – с сарказмом протянул он. – Тогда, просто из любопытства, скажите, на что вы будете жить, когда у вас кончатся деньги?

– Буду работать! – сообщила ему девушка, пытаясь вывести его из себя.

Темные брови взметнулись в ироническом веселье.

– Это что-то новенькое – женщина, всерьез желающая работать. Тогда скажите, что же вы умеете делать? – Его вопрос был резким, как удар хлыста. – Вы умеете пахать?

– Нет...

– А забивать гвозди?

– Нет.

– А доить коров?

– Нет!

– Тогда вы бесполезны не только для самой себя, но и для других, не так ли? – безжалостно резюмировал он.

– Это совсем не так! – возразила она с сердитой гордостью. – Я очень многое умею, могу шить, готовить и...

– И позволить всем жителям деревни сплетничать о том, какие монстры эти Филдинги, которые отказали вам в приюте? Забудьте об этом, – надменно сказал он. – Я этого не допущу.

– Ах, я только забыла спросить вашего разрешения!

Захваченный врасплох, он сурово уставился на нее. Даже взрослые люди редко осмеливались бросать ему вызов, а эта девчонка посмела. Если бы его возмущение не было так же велико, как изумление, то он, наверное, лишь посмеялся бы ее храбрости. Подавив неожиданный порыв смягчить свои слова, он коротко сказал:

– Если вам так уж нейдет самой зарабатывать себе на жизнь, в чем я сомневаюсь, то почему бы не делать этого здесь?

– Мне очень жаль, – холодно заявила дерзкая юная красавица, – но это не годится.

– Почему же?

– Потому что я не могу представить себя кланяющейся, шаркающей ножкой и дрожащей от страха каждый раз, когда вы будете идти мимо, как полагается вести себя остальным вашим слугам. Только подумать, что этот бедняга с больным зубом чуть не упал в обморок утром, когда вы...

– Кто? – потребовал ответа Джейсон, и его гнев моментально уступил место изумлению.

– Мистер О'Мэлли.

– Кто такой этот мистер О'Мэлли, черт его подери? – еле сдерживаясь, выпалил он.

У Виктории от отвращения округлились глаза.

– Вы даже не знаете его имени, не так ли? Мистер О’Мэлли – лакей, который пошел за вашим завтраком, в то время как его челюсть так распухла...

Джейсон круто повернулся.

– Чарльз хочет, чтобы вы остались здесь, и разговор на этом окончен. – В дверях он остановился, повернулся, и его угрожающий взгляд будто пригвоздил ее к полу. – Если вы попытаетесь удрать, невзирая на мой приказ, то пожалеете. Мне придется ехать за вами, и вам будет отнюдь не по душе то, что произойдет, когда мы встретимся, уж будьте уверены.

– Я не боюсь ни вас, ни ваших угроз, – гордо солгала Виктория, поспешно ища выход из сложившейся ситуации. С одной стороны, ей не хотелось обижать Чарльза своим бегством, а с другой – гордость не позволяла ей быть «нищенкой» в доме Джейсона. Игнорируя злобный огонь в его зеленых глазах, она сказала: – Я останусь, но собираюсь отработать свою еду и проживание.

– Прекрасно! – бросил Джейсон, чувствуя, что в этом конфликте перевес на ее стороне. Не успел он выйти, как ее голос остановил его:

– Могу я узнать, какое жалованье вы мне положите?

Джейсон пришел в ярость:

– Вы что, хотите вывести меня из себя?

– Нисколько. Просто я хочу знать размер своего жалованья, чтобы рассчитать день, когда... – Ее голос затих, поскольку Джейсон резко удалился.

Дядя Чарльз прислал ей приглашение пообедать вместе, и обед вылился в весьма приятное времяпрепровождение, поскольку Джейсон к ним не присоединился. Однако после обеда потянулись томительные часы, и от скуки Виктория решила побродить по двору.

Дворецкий увидел, что она спускается вниз, и распахнул парадную дверь. Пытаясь показать, что не затаила против него зла из-за вчерашнего, Виктория улыбнулась:

– Большое спасибо, м-м...

– Нортроп, – любезно и с нарочито бесстрастным видом подсказал он.

– Нортроп? – повторила Виктория, надеясь вовлечь его в разговор. – Это ваше имя или фамилия?

Он скользнул по ней взглядом, затем отвел глаза.

– Гм... моя фамилия, мисс.

– А-а, – вежливо продолжала она. – А как давно вы здесь работаете?

Нортроп сцепил руки за спиной и с торжествующим видом покачался на носках.

– Девять поколений членов моей семьи рождались и умирали на службе у Филдингов, мисс. И я надеюсь продолжать эту почетную традицию.

– О! – выдохнула Виктория, подавив смешок при виде такой гордости за службу, важность которой, по-видимому, заключалась в открывании и закрывании дверей.

Как бы прочтя ее мысли, он сухо добавил:

– Если у вас будут проблемы с персоналом, мисс, сообщите мне. В качестве дворецкого я приму все необходимые меры.

– Я уверена, что мне это не понадобится. Здесь все работают очень усердно, – любезно ответила она. «Чересчур усердно», – подумала девушка, выходя на солнечную поляну.

Она прошла по лужайке, затем обогнула дом, намереваясь зайти в конюшню, чтобы посмотреть лошадей. Подумав, что неплохо запасть для них угощением, она подошла к тыльной части дома и спросила, как пройти на кухню.

В огромной кухне суетилось множество людей, которые раскатывали тесто на деревянных столах, размешивали половниками содержимое котлов и рубили овощи.

В самом центре этого столпотворения стоял неимоверно толстый человек в белоснежном фартуке размером со столовую скатерть; подобно спятившему монаху он размахивал длинной поварешкой и выкрикивал указания на французском и английском языках.



– Простите, – извиняющимся тоном сказала Виктория женщине, стоящей у ближайшего стола. – Не найдется ли для меня двух лишних яблок и двух морковок?

Женщина неуверенно посмотрела на человека в белом фартуке, пристально рассматривавшего Викторию, затем исчезла в смежной комнате и вновь появилась через минуту с яблоками и морковками.

– Благодарю вас, м-м... – кивнула девушка.

– Миссис Нортроп, мисс, – неловко подсказала женщина.

– О, как славно! – доброжелательно улыбнулась Виктория. – Я уже познакомилась с вашим супругом, дворецким, но он не сказал мне, что вы тоже здесь работаете.

– Мистер Нортроп – мой деверь, – поправила она.

– А, понятно, – кивнула девушка, чувствуя нежелание женщины заниматься разговорами под взглядом угрюмого толстяка, который, по-видимому, был здесь шеф-поваром. – Ну ладно, доброго дня вам, миссис Нортроп.

К конюшне вела выложенная плиткой дорожка, граничившая с зеленой рощей. Виктория направилась туда, любуясь великолепным видом на чуть всхолмленные лужайки с подстриженной травой и чудесные сады с левой стороны, когда какой-то звук в нескольких ярдах справа от нее заставил ее остановиться и замереть. На краю рощи в куче отбросов рылся огромный серый зверь. Животное почувствовало ее запах и подняло голову, их взгляды скрестились, и кровь застыла в жилах девушки. «Волк!» – молнией мелькнуло в мозгу.

Парализованная страхом, она застыла на месте, боясь издать малейший звук или пошевелиться, а тем временем ее мозг механически отмечал детали.

Серая шкура волка выглядела потрепанной и довольно густой, но не настолько, чтобы скрыть выступающие ребра; у него были огромная пасть и злые глаза... Судя по его ужасающей костлявости, он был близок к смерти от голода. Это означало, что он нападет и слопает все, что сумеет ухватить, – в том числе и ее самое. Виктория сделала очень маленький осторожный шаг назад, в сторону дома.

Хищник зарычал, его верхняя губа задралась вверх, обнажив ряд огромных белых клыков. Виктория прореагировала мгновенно: она бросила ему яблоки и морковки в отчаянной попытке отвлечь зверя. Но вместо того чтобы кинуться за подачкой, на что она рассчитывала, волк, поджав хвост, кинулся прочь в сторону рощи. Виктория круто развернулась и метнулась в дом через ближайший черный ход, затем подбежала к окну и выглянула из него, пытаясь разглядеть зверя среди деревьев. Волк стоял у границы зарослей и голодными глазами взирал на оставленную кучу отбросов.

– Что-то случилось, мисс? – спросил лакей, проходя позади нее в направлении кухни.

– Я видела животное, – задыхаясь, выговорила она. – Мне кажется, это был...

Она наблюдала, как серый зверь крадучись пробрался обратно в сад и проглотил яблоки и морковь; затем снова, поджав хвост, убежал в рощу. Она поняла, что хищник напуган, изголодался до смерти.

– У вас здесь есть собаки? – поинтересовалась она, сообразив, что ошибка выставила бы ее в очень глупом свете.

– Да, мисс, и не одна.

– Среди них есть большая, тощая, темно-серого цвета?

– Это Вилли, старый пес его милости. Он всегда рыскает в поисках еды. Он вовсе не злой, если вас это беспокоит. Вы его видели?

– Да, – сердито ответила девушка, вспомнив, с какой жадностью изголодавшееся животное пожирало тухлые овощи в куче отбросов, как будто это были бифштексы. – Ведь он умирает с голоду! Нужно кормить бедного пса.

– Вилли всегда ведет себя так, будто вот-вот сдохнет от голода, – с абсолютным безразличием сообщил лакей. – Его милость говорит, что если пес будет есть больше, то так растолстеет, что не сможет ходить.

– А если будет есть меньше, то будет слишком слаб, чтобы выжить, – сердито парировала Виктория. Ей легко было представить, как этот бессердечный Джейсон доводит до смерти свою собственную собаку. Как жалко выглядело животное, как торчали его ребра – отвратительно! Она вернулась на кухню и попросила еще одно яблоко, несколько морковок и миску объедков со стола.

Несмотря на жалость, Виктории пришлось бороться со страхом, когда она приблизилась к куче отбросов и заметила, как Вилли наблюдает за ней из своего укрытия в роще. Теперь она убедилась, что это не волк, а собака. Помня, что Вилли вовсе не злой, она подошла к нему на такое расстояние, на какое осмелилась, и протянула миску с остатками еды из столовой.

– Вот, Вилли, – мягко позвала она, – принесла тебе хорошей еды. – Девушка сделала еще один осторожный шаг в сторону пса. Вилли оскалил клыки; тут мужество оставило ее. Она поставила миску на землю и бросилась к конюшне.

Вечером она ужинала с Чарльзом, и, поскольку Джейсон опять отсутствовал, все было чудесно; но когда с ужином было покончено и она опять осталась в одиночестве, время потекло томительно медленно. Помимо похода в конюшню и приключения с Вилли, в этот день ей нечем было заняться, и она бесцельно бродила из угла в угол. «Ничего, – решила девушка, – завтра я приступлю к работе». Она привыкла быть всегда чем-то занятой, и ей отчаянно хотелось заполнить свободное время. Она не упомянула в беседе с Чарльзом о намерении зарабатывать себе на жизнь, однако была убеждена, что он лишь почувствует облегчение оттого, что она сама взяла на себя заботу о своем существовании и тем самым избавила его от упреков со стороны его неуравновешенного племянника.

Девушка пошла в свою комнату и всю оставшуюся часть вечера писала бодрое, полное оптимизма письмо Дороти.

## Глава 6

На следующее утро Виктория проснулась под щебет птиц, доносившийся с дерева за открытыми окнами. Повернувшись на спину, она устремила взгляд на ярко-голубое небо, по которому плыли большие белые кучевые облака; природа манила ее покинуть дом.

Быстро умывшись и одевшись, она сошла вниз на кухню, чтобы взять еды для Вилли. Джейсон Филдинг накануне с сарказмом интересовался, умеет ли она пахать, забивать гвозди и доить коров. Первое и второе она делать не умела, но часто видела у себя на родине, как доят коров, и это казалось ей не таким уж трудным делом.

Кроме того, после шести недель, проведенных на ограниченном пространстве судна, она была готова заняться любой физической работой.

Виктория уже собиралась покинуть кухню с миской еды для собаки, как вдруг ее осенило. Не обращая внимания на сердитый взгляд мужчины в белом фартуке, который, как сообщил ей накануне вечером Чарльз, действительно был шеф-поваром и не спускал с нее глаз, как будто она могла чем-то навредить его кастрюльному королевству, Виктория обратилась к миссис Нортроп:

– Миссис Нортроп, нет ли здесь для меня какого-нибудь дела – я имею в виду помощь по кухне?

Миссис Нортроп от изумления открыла рот.

– Нет, что вы, конечно, нет.

Виктория вздохнула:

– В таком случае не могли бы вы сказать, где я могу найти коров?

– Коров? – ахнула женщина. – Но за... для какой цели?

– Подоить их.

Женщина онемела. После минутной неловкости Виктория пожала плечами и решила отыскать их сама. Она вышла через черный ход и направилась искать Вилли. Миссис Нортроп стерла с рук мучную пыль и быстро побежала переговорить с дворецким.

Виктория приблизилась к куче отбросов и обшарила глазами рощу, ища собаку. «Вилли. Какая необычная кличка для такого крупного, дикого с виду животного», – подумала она. И тут же увидела пса, который хоронился в тени деревьев, наблюдая за ней. По ее спине забегали мурашки, но она, насколько осмелилась, подошла к краю рощи.

– На, Вилли, – нежным голосом задабривала она пса. – Я принесла тебе завтрак. Иди сюда, покушай.

Глаза огромного животного загорелись при виде съестного, но пес не сдвинулся с места, продолжая настороженно наблюдать за ней.

– Может, подойдешь поближе? – продолжала уговаривать Виктория, полная решимости подружиться хотя бы с собакой Джейсона Филдинга, поскольку не видела никакой возможности подружиться с ее хозяином.

Пес оказался не более общительным, чем хозяин. Он не поддавался на уговоры и продолжал угрожающим взглядом следить за ней. Виктория с глубоким вздохом поставила миску на землю и пошла восвояси.

Садовник показал ей дорогу, и она направилась к коровнику. Там было чисто и аккуратно, нос приятно щекотал аромат сена. Проходя мимо ряда стойл, она чувствовала себя не очень уверенно под взглядами дюжины коров, смотревших на нее большими влажными карими глазами. Возле одного стойла, где стояла табуретка и висело на стене ведро, она остановилась, полагая, что как раз эта корова наверняка самый подходящий объект для дойки.

– Доброе утро, – обратилась девушка к корове, погладив ее гладкую морду и пытаясь набраться храбрости. Теперь, когда наступил решающий момент, Виктория вовсе не была уверена, что точно помнит, как доят коров.

Оттягивая время, она обошла вокруг коровы, извлекла несколько соломинок из ее хвоста, затем нехотя переставила табуретку и подставила ведро под грузное вымя. Девушка усе-лась поудобнее, неспешно засучила повыше рукава платья и расправила юбки. Не заметив мужчину, вошедшего в этот момент в коровник, она нежно похлопала корову по животу и несколько раз нерешительно вздохнула.

– Не буду от тебя скрывать, – призналась она корове. – Правда заключается в том... что я еще ни разу не пробовала это делать.

Ее унылое признание застало Джейсона в нескольких шагах от стойла, и его зачарованный взгляд потеплел, когда он увидел происходящее. Сидящая на табуретке для дойки с расправленными юбками, как будто восседала на троне, мисс Виктория Ситон являла собой весьма интригующую фигуру. Сосредоточившись на предстоящей задаче, она слегка склонила голову, благодаря чему был великолепно виден ее аристократический профиль с высокими скулами и маленьким тонким носом. Солнечные лучи, проникавшие через верхнее окно, вспыхивали в ее волосах, превращая их в мерцающий золотисто-рыжеватыми искрами водопад, струившийся по плечам. Длинные загнутые ресницы тенями легли на ее гладкие щеки, когда она, закусив от усердия губу, наклонилась, чтобы передвинуть ведро немного вперед.

Эти движения привлекли внимание Джейсона к выдающейся полноте ее груди, заманчиво облегаемых черным платьем, но от слов, которые она в этот момент произнесла, его просто затрясло от смеха.

– Это, – взволнованным голосом сказала она корове, протягивая к вымени руки, – будет таким же испытанием для меня, как и для тебя.

Виктория тронула мясистые соски и тут же отдернула руки прочь с громким «уф-ф». Затем попробовала еще раз. Дважды она потянула за соски, затем откинулась назад и с надеждой заглянула в ведро. Оно было абсолютно пустым.

– Пожалуйста, не усложняй это простое дело, – упрасивала она корову.

Виктория еще дважды повторила процедуру, и опять впустую. От отчаяния в очередной раз она чересчур сильно потянула за сосок, и в результате корова резко повернула к ней голову и укоризненно посмотрела на нее.

– Я делаю то, что требуется, – сказала девушка, встретившись с ней глазами. – Самое малое, что ты могла бы сделать, – так это выполнить свою миссию!

Позади нее смеющийся мужской голос произнес:

– От такого сердитого взгляда у нее может свернуться молоко.

Виктория подпрыгнула от неожиданности и развернулась на табуретке, отчего ее медно-золотистые волосы волной заструились через плечо.

– Вы! – воскликнула она, залившись краской стыда: он был свидетелем всей этой сцены! – Ну почему вы всегда так беззвучно подкрадываетесь? Могли хотя бы...

– Постучать в дверь? – Его глаза искрились смехом. Он поднял руку и два раза постучал костяшками пальцев по деревянной балке. – А вы всегда беседуете с животными? – положил он начало светской беседе.

У Виктории не было никакого желания выслушивать насмешки, а судя по искоркам в его глазах, он явно подтрунивал над ней. Она призвала на помощь все свое достоинство, встала, расправила юбки и попыталась пройти мимо.

Он протянул руку и схватил ее за запястье крепко, но не больно.

– А разве вы не хотите закончить дойку?

– Вы видели, что я не могу.

– Почему?

Виктория подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза.

– Потому что не знаю, как это делается.

Темная бровь взлетела вверх над горевшим веселыми искорками зеленым глазом.

– А хотите научиться?

– Нет, – ответила девушка, чувствуя злость и унижение. – А теперь не отпустите ли вы мою руку?.. – Она выдернула ее сама, не дожидаясь, пока он исполнит просьбу. – Ничего, я попытаюсь найти другой способ заработать себе на жизнь.

Уходя из коровника, она чувствовала на себе его испытующий взгляд, но с приближением к дому ее мысли отвлек Вилли. Она заметила пса, который по-прежнему прятался в роще и не спускал с нее глаз. Холодок пробежал по спине, но ей уже было все равно. За минуту до этого ей угрожала корова, и она упрямо решила не пугаться хотя бы собаки.

Джейсон смотрел ей вслед, затем выбросил из головы образ доярки с ангельским ликом и солнечным ореолом вокруг головы и вернулся в кабинет к работе, которую оставил, когда прибежавший Нортроп сообщил ему, что мисс Ситон пошла доить коров.

Усевшись за письменный стол, он обратился к секретарю:

– Так на чем мы остановились, Бенджамин?

– Вы диктовали письмо своему агенту в Дели, милорд.

После первой неудачи Виктория пошла разыскивать садовника. Она подошла к лысому мужчине, который, как ей показалось, был старшим садовником, и спросила, не может ли она помочь сажать луковицы цветов, которые его люди рассаживали на огромных круглых клумбах в переднем дворе.

– Занимайся своим делом в коровнике и не путайся у нас под ногами, женщина! – рявкнул лысый.

Виктория не стала спорить. Не утруждая себя объяснениями, она пошла в противоположную сторону, надеясь получить ту единственную работу, которую действительно умела делать, – то есть направилась напрямиком к кухне.

Старший садовник проводил ее взглядом, затем бросил совок и пошел искать Нортропа.

Никем не замеченная, Виктория стояла у входа в кухню и смотрела, как восемь поваров сноровисто занимались приготовлением обеда, который, по-видимому, должен был состоять из жаркого со свежими овощами, слоистого свежеевыпеченного хлеба и полудюжины гарниров.

Расстроенная тщетностью предыдущих попыток стать полезной, Виктория наблюдала до тех пор, пока абсолютно точно не поняла, что действительно может выполнять эту работу; затем она подступила к капризному шефу-французу.

– Я хотела бы помочь, – твердо заявила она.

– Нет! – взвизгнул тот, явно по ее простенькому черному платью приняв ее за служанку. – Вон! Вон! Убирайся. Занимайся своими делами.

Виктории уже до смерти надоело, что ее все гонят. Очень вежливо, но очень твердо она снова обратилась к нему:

– Я могу помочь здесь, и, судя по суматохе, царящей на кухне, вам, несомненно, пригодится пара свободных рук.

Шеф был готов сорваться.

– Ты ничего не умеешь! – громовым голосом заявил он. – Убирайся! Когда Андре понадобится помощь, то он попросит ее и научит тебя! – коверкая английские слова, заорал он.

– Ничего мудреного нет в приготовлении жаркого, месье, – раздраженно заметила девушка. Не обращая никакого внимания на его побагровевшие щеки, Виктория продолжала

резонерствовать: – Все, что требуется, – это порубить на этом столе овощи... – она показала, как это нужно сделать, похлопав рукой по соседнему столу, – и бросить их вон в тот котел. – Она указала на один из котлов, висевших над огнем.

Перед тем как сорвать с себя фартук, толстяк издал странный звук, как будто его вот-вот хватит апоплексический удар.

– Через пять минут, – крикнул он, пулей вылетая из кухни, – я добьюсь, чтобы вас вышвырнули из этого дома!

В гробовом молчании, установившемся на кухне после его ухода, Виктория обвела взглядом остальных поваров, в ужасе уставившихся на нее; в их глазах можно было прочесть все – от симпатии до смеха...

– Бог ты мой, девушка, – сказала добродушная женщина средних лет, вытирая передником руки, – с какой стати вы так взбесили его? Он же добьется того, что вы вылетите отсюда вверх тормашками.

Если не считать маленькой горничной Рут, убиравшей комнату Виктории, это было первое дружелюбное обращение от прислуги. К несчастью, Виктория была настолько удручена, что вызвала такой переполох, всего лишь предлагая свою помощь, что симпатия этой женщины чуть не заставила ее расплакаться.

– Дело не в том, что вы не правы, – продолжала женщина, ласково похлопав ее по руке. – Готовить жаркое не такое уж хитрое дело. Любой из нас мог бы обойтись без Андре, но его милость требует лучшей еды, а Андре – лучший шеф-повар в стране. Можете идти укладывать вещи, так как нечего и сомневаться – вам сию же минуту откажут от места.

Виктория едва смогла найти в себе силы, чтобы разуверить женщину на этот счет.

– Я здесь гостя, а не служащая... Я полагала, что миссис Нортроп сказала вам об этом. У женщины буквально отвалилась челюсть.

– Нет, мисс, нам никто ничего не говорил. Здесь людям не разрешается сплетничать, и миссис Нортроп никогда не позволила бы себе опуститься до этого, особенно будучи родственницей мистера Нортропа, дворецкого. Я знала, что в доме находится гостя, но... – Ее взгляд упал на непритязательное платье Виктории, и девушка вспыхнула. – Может, предложить вам что-нибудь из еды?

Виктория в отчаянии покачала головой:

– Нет, но мне... мне хотелось бы приготовить снадобье, чтобы облегчить страдания мистера О'Мэлли, у которого распухла челюсть. Нужно сделать простую припарку, которая должна помочь ему снять боль.

Женщина, назвавшаяся миссис Крэдок, показала Виктории, где взять необходимое, и девушка принялась за дело, ежеминутно ожидая, что «его милость» ворвется в кухню и при всем честном народе снова унижит ее.

Джейсон только что начал диктовать то самое письмо, работу над которым уже прерывали, как Нортроп снова постучал в дверь кабинета.

– Да? – нетерпеливо сказал Филдинг, когда дворецкий подошел к столу. – В чем дело на этот раз?

Дворецкий прочистил горло.

– Снова мисс Ситон, милорд. Она... м-м... пыталась помочь старшему садовнику с посадками на клумбах. Он принял ее за служанку, и теперь, когда я указал ему на ошибку, он беспокоится, что вы недовольны его работой и послали ее...

Глухой голос Джейсона вибрировал от раздражения:

– Скажи садовнику, чтобы он продолжал работу, и попроси мисс Ситон не мешать ему. А ты, – мрачно добавил он, – не мешай мне. У меня много дел. – Филдинг снова повернулся к своему худому очкастому секретарю и сердито спросил: – Так на чем мы остановились, Бенджамин?

– На письме вашему агенту в Дели, милорд.

Джейсон успел продиктовать всего две строчки, когда за дверь послышалась какая-то суматоха и в дверь неуклюже просунулся повар, преследуемый Нортропом, пытавшимся встать у него на пути.

– Вы уволите или ее, или меня! – громко проговорил месье Андре, подступая к письменному столу. – Я не потерплю эту рыжую прислугу у себя на кухне!

С убийственным спокойствием милорд положил гусиное перо и устремил горящие угрожающим огнем зеленые глаза на лоснящееся лицо повара.

– Что ты сказал?

– Я сказал, что не потерплю...

– Убирайся отсюда, – бархатным голосом прервал его Джейсон.

На круглом лице повара сквозь багровый румянец проступила ужасающая белизна.

– *Oui*<sup>3</sup>, – поспешно сказал он, уже пятась к двери. – Я возвращаюсь на ку...

– Из моего *дома*, – безжалостно пояснил Джейсон, – и из моего поместья. Сию же минуту! – Он резко встал, задев локтем вдруг вспотевшего шеф-повара, и стремительно направился на кухню.

В кухне все замерли, как только услышали его гневный голос.

– Кто-нибудь из вас умеет готовить? – отчеканил он, и Виктория заключила, что шеф уволился из-за нее.

Ужаснувшись, она было сделала шаг в сторону маркиза, но, встретившись со зловещим взглядом Джейсона, побледнела, увидев в его глазах угрозу, чреватую большой бедой. Он презрительно оглядел всех присутствующих:

– Вы хотите сказать, что ни одна душа здесь не умеет готовить?

Миссис Крэдок поколебалась, но затем выступила вперед:

– Я умею, милорд.

Джейсон коротко кивнул:

– Хорошо. Вы будете шеф-поваром. На будущее прошу вас избегать приторно-пряных французских соусов. – После этого он устремил леденящий взгляд на Викторину. – А вы, – зловещим тоном приказал он, – держитесь подальше от скотного двора и предоставьте работы в саду садовникам, а приготовление пищи – поварам!

Он ушел, а повара повернулись к Викторине, глаза на нее со смешанными чувствами удивления и благодарности. Устыдившись того, что вызвала такой переполох, она избегала встречаться с ними глазами; наклонив голову, она начала мешать отвар для припарки, которая должна была помочь мистеру О'Мэлли.

– Давайте работать, – улыбаясь, бодрым голосом сказала за всех миссис Крэдок. – Нам еще предстоит доказать его милости, что мы прекрасно можем управиться без Андре, от криков которого у нас закладывало уши и от ударов поварешки которого болели суставы пальцев.

Виктория подняла голову и пораженно уставилась на миссис Крэдок.

– Да, он злобный тиран, – подтвердила женщина. – И мы очень благодарны вам за то, что избавились от него.

Не считая дня гибели родителей, Виктория не могла припомнить дня худшего, чем этот. Она взяла чашку с отваром, готовить который ее научил отец, и вышла.

Не сумев найти О'Мэлли, девушка пошла искать Нортропа, который как раз появился в дверях кабинета. Через полуоткрытую дверь она мельком увидела Джейсона, расположившегося за письменным столом с документом и беседовавшего с джентльменом в очках, сидевшим напротив него.

---

<sup>3</sup> Да (*фр.*).

– Мистер Нортроп, – приглушенным голосом сказала она, вручая ему чашку, – вы не будете так любезны передать это мистеру О’Мэлли? Скажите ему, что это нужно прикладывать к зубу и деснам по нескольку раз в день. Это поможет снять боль и опухоль.

Вновь отвлеченный от работы голосами, слышавшимися за дверью кабинета, Джейсон бросил бумагу, которую читал, на стол и, стремительно подойдя к двери, рывком открыл ее. Виктория уже поднималась вверх по лестнице, и он резко спросил у Нортропа:

– Ну и что она натворила на этот раз?

– Она... она приготовила вот это снадобье для больного зуба О’Мэлли, милорд, – странно напряженным тоном сказал дворецкий, озадаченно глядя вслед девушке, поднимающейся по лестнице.

Джейсон проследил за его взглядом, и его глаза сузились при виде тонкой согбенной фигурки в траурном платье.

– Виктория, – позвал он.

Виктория обернулась, ожидая очередного разноса, но он заговорил спокойным, сдержанным тоном, в котором тем не менее чувствовалась непреклонная властность:

– Не носите больше черных одежд, мне это не по душе.

– Мне очень жаль, что моя одежда оскорбляет ваш вкус, – ответила она со спокойным достоинством, – но я ношу траур по своим родителям.

Брови Джейсона сошлись на переносице, но он больше не промолвил ни слова, пока Виктория не исчезла из виду. Затем он приказал Нортропу:

– Пошлите кого-нибудь в Лондон за приличной одеждой для нее и избавьтесь от ее черных тряпок.

Когда Чарльз спустился на ленч и Виктория с подавленным видом села рядом, он взволнованно спросил:

– Боже всевышний, дитя мое, что случилось? Вы бледны как смерть.

Виктория поведала ему о своих безрассудных поступках в это утро. Чарльз слушал, и у него от беззвучного смеха подрагивали губы.

– Отлично, отлично! – сказал он, когда она окончила рассказ, и, к ее изумлению, фыркнул от удовольствия. – Действуйте в том же духе и нарушайте стиль его жизни, моя дорогая. Это именно то, что ему нужно. С виду он может казаться холодным и суровым, но это всего лишь скорлупа – признаю, толстая скорлупа, но настоящая женщина могла бы вскрыть ее и обнаружить под ней тонкую, чуткую душу. И когда она раскроет это, Джейсон сделает ее самой счастливой женщиной на свете. Помимо прочего, он очень щедр...

Он поднял брови, не договорив, и под его пристальным взглядом Виктория почувствовала себя неловко: уж не ее ли имеет он в виду?

Она ни на йоту не могла поверить, что в душе Джейсон Филдинг был чутким человеком, и, более того, по возможности она не хотела иметь с ним ничего общего. Вместо того чтобы прямо сказать об этом дяде Чарльзу, она тактично сменила тему:

– В ближайшие недели я ожидаю весточки от Эндрю.

– Ах да, Эндрю... – проговорил он, и искорки в его глазах погасли.



## Глава 7

На следующий день Чарльз повез ее с собой на прогулку в соседнюю деревеньку, и хотя поездка наполнила Викторию ностальгической тоской по родному дому, она получила от нее огромное удовольствие. Повсюду можно было видеть распускающиеся цветы – в цветочных ящичках и садах, где за ними тщательно ухаживали, и на холмах и лугах, где о них заботилась одна лишь мать-природа. Деревенька с ее аккуратными домиками и мощными булыжником улицами оказалась удивительно симпатичной, и Виктория была в восторге.

Всякий раз, как они выходили из маленьких лавчонок, расположенных на главной улице, проходившие мимо фермеры останавливались и в почтительном молчании глазели на них, сняв головные уборы. Они величали Чарльза «ваша светлость», и хотя он явно не мог припомнить их имен, это нисколько не мешало герцогу общаться с ними с непринужденной любезностью.

К тому времени, когда они возвратились в Уэйкфилд-Парк, Виктория стала видеть свою будущую жизнь в несколько более розовом цвете; она также рассчитывала, что у нее будет возможность покороче познакомиться с жителями деревни.

Во избежание новых неприятностей мисс Ситон ограничилась в этот день чтением в своей комнате и двумя прогулками к куче отбросов, где все так же безуспешно пыталась приручить Вилли, предлагая ему приличную еду.

Перед ужином она прилегла на кровать и заснула, убаюканная мыслью, что дальнейшего противостояния с Джейсоном Филдингом можно будет избежать, попросту не попадаясь ему на глаза, и этого-то она сегодня как будто добилась.

Однако Виктория ошиблась. Когда она пробудилась, то увидела Рут, раскладывающую в шкаф платья пастельных тонов.

– Это не мои вещи, Рут, – сонно сказала Виктория, выбираясь из постели и щурясь от света свечей.

– Они ваши, мисс! – с энтузиазмом ответила горничная. – Его милость специально посылал человека в Лондон за покупками.

– Пожалуйста, сообщите ему, что я их не буду носить, – любезно, но твердо заявила девушка.

Рут в волнении схватилась за горло.

– О нет, мисс, я не могу этого сделать. Правда не могу!

– Ну ладно, зато я могу! – сказала Виктория, направившись к другому шкафу за своим платьем.

– Ваших платьев здесь нет, – с несчастным видом вымолвила Рут. – Я... унесла их по приказу его милости...

– Понятно, – по возможности мягко ответила Виктория, чувствуя, что в ней, как в кипящем котле, бурлит такая злость, о существовании которой она даже не подозревала.

Маленькая горничная заломила руки, в ее бесцветных глазах еще сквозила надежда.

– Мисс, его милость сказал, что я смогу занять место вашей камеристки, если сумею должным образом справиться с этим делом.

– Мне не нужна камеристка, Рут.

Плечи Рут поникли.

– Это было бы настолько лучше того, чем я занимаюсь сейчас...

Перед этой сценой Виктория не могла устоять.

– Ну хорошо, – вздохнула она, выдавливая улыбку. – А чем занимается камеристка?

– Ну, буду помогать вам одеваться, следить за тем, чтобы ваша одежда всегда была чистой и выглаженной. Буду причесывать вас. Вы разрешите? Ухаживать за вашими воло-

сами... У вас такие чудесные волосы, а моя мама всегда говорит, что из меня получился бы неплохой цирюльник.

Виктория скрепя сердце согласилась, надеясь тем самым выиграть время и успокоиться, перед тем как встретиться лицом к лицу с Джейсоном Филдингом.

Часом позже, облаченная в ниспадающее свободными складками шелковое платье персикового цвета с длинными рукавами, она молча обозревала себя в зеркале.

Ее тяжелые медные волосы были уложены на затылке в блестящие локоны и повязаны шелковыми лентами под цвет платья, ее высокие скулы алели от нарастающей злости, а сияющие сапфирами глаза искрились обидой и стыдом.

Виктории еще не доводилось не только видеть, но даже представить себе такое роскошное платье, какое было на ней сейчас, – с тесно облегающим лифом и низким вырезом, вызывающе обнажающим верхнюю часть груди. Еще не было случая, чтобы она была так мало удовлетворена своей внешностью, как в эту минуту, когда ее силой заставляли проявлять откровенное неуважение к своим покойным родителям.

– О, мисс, – восторженно всплеснула руками Рут, – вы настолько прекрасны, что его милость не поверит своим глазам, когда увидит вас!

Предсказание Рут сбылось, но Виктория, когда входила в столовую, была слишком взбешена, чтобы получить хоть малейшее удовлетворение при виде его изумленного взгляда.

– Добрый вечер, дядя Чарльз, – сказала она, на мгновение прижавшись к лицу герцога щекой, в то время как Джейсон приходил в себя. Затем она резко повернулась и застыла в зловещем молчании, пока Филдинг-младший не без удовольствия обозревал ее фигуру: от блестящих золотисто-каштановых локонов и обнаженной части груди над корсажем и ниже – до носков элегантных шелковых вечерних туфель, купленных по его заказу.

Виктория была непривычна к восторженным взорам джентльменов, но в том нахальном, по-хозяйски бесстрастном рассматривании ее тела, которое позволил себе Джейсон, не было ничего джентльменского.

– Осмотр завершен? – коротко спросила она.

Он не спеша перевел взгляд на ее глаза, и его жесткие губы тронула усмешка. Маркиз протянул руку, и Виктория машинально отшатнулась, прежде чем поняла, что он лишь хотел пододвинуть ей стул.

– Видимо, я совершил еще одну грубую, недопустимую в свете ошибку вроде той, когда не постучал в дверь? – осведомился Филдинг-младший тихим смеющимся голосом. Когда она занимала свое место, его губы были до обидного близко к ее щеке. – Так, значит, в Америке не принято помочь леди, когда она садится?

Виктория отклонила голову.

– Вы помогаете мне сесть или собираетесь откусить мне ухо?

Его губы скривились в усмешке.

– Возможно, мне придется сделать это в том случае, если новый шеф-повар будет нас скверно кормить. – Тут он, возвращаясь на свое место, взглянул на герцога: – Я рассчитал жирного француза.

Виктория вспомнила о той роли, которую невольно сыграла в кухонной трагедии, но была настолько зла на Джейсона за его очередную выходку, что даже чувство собственной вины не могло уравновесить ее эмоций.

Намереваясь разобраться с ним наедине, *после* ужина, она сосредоточила все свое внимание на герцоге, но по мере того как на столе менялись блюда, чувствовала себя все более неловко, постоянно ощущая на себе взгляд Джейсона Филдинга, хотя этому несколько мешал подсвечник, расположенный в центре стола.

Джейсон поднес к губам стакан с вином, продолжая наблюдать за ней. Он знал, что «сиротка» злится на него за пропажу потрепанных черных платьев и умирает от желания поквитаться с ним, – это можно было легко прочесть в ее горящих от злости глазах.

«Какая гордая, одухотворенная красавица», – беспристрастно оценил он. С самого начала она казалась очень славненькой, но он никак не мог ожидать, что она превратится в самую настоящую красавицу, какой оказалась в этот вечер, когда всего-навсего сбросила с себя непривлекательный траурный наряд. Возможно, он так ненавидел отвратительный черный цвет, что это затуманило ему глаза. Так или иначе, нет сомнений, что у нее на родине поклонники исчислялись сотнями. И также не вызывает никакого сомнения, что она вскружит голову и английским юношам. «Хотя, точнее, и юношам, и *мужчинам*», – поправил он себя.

Но, несмотря на ее пышные, привлекательные формы и опьяняющую красоту лица, он все более убеждался, что девушка абсолютно неопытна и невинна, в точном соответствии с описанием герцога. Неискушенная невинность, оказавшаяся под его кровом, за которую он, сам того не желая, нес ответственность. Оказаться в амплу ее покровителя – свирепого стража целомудрия юной девы – сия мысль была настолько до смешного нелепой, что он чуть не расхохотался вслух, но тем не менее именно эту роль ему предстояло играть. Наверняка все, кто знает его, сочтут подобное абсурдом, принимая во внимание его весьма скверную репутацию в отношении женщин.

О'Мэлли долил вина в его бокал, и Джейсон сделал глоток, одновременно слясь придумать, как бы поаккуратнее сбить ее с рук в целости и сохранности. Чем больше он размышлял, тем более убеждался в том, что ее следует поскорее вывести в свет, на чем, собственно, и настаивал герцог Атертон.

С ее ослепительной красотой можно было не сомневаться в успехе сей затеи. А с учетом небольшого приданого, которое Филдинг-младший мог ей обеспечить, казалось вполне реальным выдать девушку за какого-нибудь подходящего лондонского щеголя. С другой стороны, если девица действительно верила, что ее драгоценный Эндрю примчится за ней, то она может ждать его в течение многих месяцев, а то и лет, прежде чем согласится на брак с другим. Такая перспектива вовсе не устраивала Джейсона.

Действуя в соответствии с еще не оформившимся до конца планом, он выждал паузу в разговоре девушки с Чарльзом и спросил нарочито обыденным тоном:

– Дядя говорил, что вы, по сути, уже обручены с этим... как его... Эдсон? Облерт?

Виктория резко повернулась к нему:

– Эндрю!

– А каков он из себя? – прощупывал он.

Нежная улыбка озарила лицо девушки.

– Он милый, красивый, умный, добрый, внимательный...

– Кажется, я получил полное представление о вашем избраннике, – сухо прервал ее Джейсон. – Примите мой совет – забудьте о нем.

Подавив острое желание запустить какой-нибудь предмет в его голову, Виктория поинтересовалась:

– Почему же это?

– Он вам не подходит. За четыре дня вы перевернули в моем доме все до основания. Какой толк вам связываться с этим неотесанным уравновешенным деревенским увальнем, который наверняка захочет вести спокойную, организованную жизнь? Для вас будет гораздо целесообразнее забыть о нем и воспользоваться максимумом возможностей здесь.

– Во-первых... – взорвалась Виктория, но Джейсон прервал ее, намеренно выводя из себя:

– Кроме того, если *вы* не забудете об Эдсоне, то скорее всего *он* забудет о вас. Разве вам не известна поговорка «с глаз долой – из сердца вон»?

Сверхчеловеческим усилием сдержав себя, Виктория стиснула зубы и промолчала.

– Ну что, аргументы иссякли? – продолжал зондировать почву Джейсон, восхищенно следя, как от гнева ее глаза становятся дымчато-темно-голубыми.

Она гордо вздернула подбородок.

– У меня на родине, мистер Филдинг, считается неприличным спорить за столом.

– Какое огромное неудобство это создает для вас, – мягко парировал маркиз.

Чарльз откинулся на спинку стула и с нежной улыбкой наблюдал за тем, как его сын пикируется с юной красавицей, так напомилавшей свою мать. «Они просто созданы друг для друга», – решил он. Виктория не испытывала благоговения перед Джейсоном. Ее духовность и мягкость облагородили бы его, и он стал бы таким супругом, о котором только и могут мечтать юные девы. Они составили бы счастье друг другу, и она подарила бы Джейсону сына...

И, умиротворенный своими мечтаниями, Чарльз представил себе внука, который родился бы в результате этого брачного союза. Таким образом, после всех этих пустых лет тоски и отчаяния у них с Кэтрин появился бы внук. Конечно, пока Джейсон и Виктория еще не совсем поладили, но этого нужно было ожидать. Джейсон – жесткий, умудренный опытом, переполненный горечью и желчью мужчина и к тому же резонер. А Виктория унаследовала от Кэтрин мужество, мягкость и пылкость. Ведь именно Кэтрин изменила его собственную жизнь. Она помогла ему узнать, что такое любовь. И что такое утрата. Перед его мысленным взором вереницей пронеслись события далекого прошлого, итогом которых стал сегодняшний вечер.

К тому времени, когда ему исполнилось двадцать два года, у Чарльза уже сложилась репутация жуира и картежника. Он не обладал чувством ответственности, для него не существовало никаких ограничений, но не было и абсолютно никаких перспектив, ибо его старший брат уже унаследовал герцогский титул и все с ним связанное – все, кроме денег. Деньги постоянно были в дефиците, ибо в течение четырехсот лет все поколения Филдингов проявляли отчетливую склонность ко всякого рода дорогостоящим порокам.

По сути, Чарльз был ничуть не хуже своего отца или отца своего отца. Зато его младший брат был, пожалуй, единственным в роду Филдингов, изъявившим желание побороть дьявольские искушения, но в жизнь он воплотил это с типично филдинговским максимализмом – решив стать миссионером и уехать в Индию.

Приблизительно в то же самое время француженка – любовница Чарльза заявила о своей беременности. Когда тот предложил ей вместо брака деньги, она зарыдала и набросилась на него с кулаками, но и это не помогло.

В конце концов она оставила его. Через неделю после рождения Джейсона она вернулась к своему жестокому любовнику, бесцеремонно швырнула ему дитя и исчезла. У Чарльза не было ни малейшего желания взваливать на себя заботу о ребенке, однако он не мог и просто-напросто отдать сына в сиротский приют.

В минуту озарения ему в голову пришла идея отдать Джейсона младшему брату и его безобразной жене, которые вот-вот собирались отправиться в Индию, чтобы «обращать язычников в истинную веру».

Без малейших колебаний он передал ребенка этим двум богобоязненным бездетным ревнителям веры – вместе с последними небольшими деньгами, которые у него еще оставались, – для того чтобы они позаботились о его сыне, и умыл руки.

До той поры ему еще как-то удавалось прилично обеспечивать себя, просиживая за карточным столом, но капризное счастье, всегда улыбавшееся ему, неожиданно оставило его. К тридцати двум годам Чарльзу пришлось столкнуться с суровой реальностью: он уже

не мог вести жизнь на приличествующем человеку его происхождения уровне только на доходы от карточной игры. Такая ситуация была типична для безденежных младших отпрысков видных аристократических семей, и Чарльз разрешил ее принятым в те времена способом: обменяв знаменитую фамилию семьи на большое приданое.

С беззаботным безразличием он предложил руку дочери состоятельного купца – молодой леди, обладавшей большими деньгами, кое-какой красотой и небольшим умом.

Девушка и ее отец с радостью приняли предложение, а старший брат Чарльза даже согласился устроить прием, чтобы отметить предстоящее событие.

Именно по этому благоприятному поводу после долгого перерыва Чарльз вновь встретил свою очень отдаленную родственницу Кэтрин Лэнгстон, восемнадцатилетнюю внучку герцогини Клермонт.

В последний раз он видел ее, когда наносил очередной редкий визит брату в Уэйкфилд, а Кэтрин, в то время десятилетняя девочка, приезжала на каникулы в соседнее поместье. Все две недели пребывания там она ходила за ним хвостом, восхищенно глядя на него своими большими синими глазами. Тогда он считал ее удивительно симпатичной малюткой с обворожительной улыбкой и изумительной способностью самозабвенно увлекаться и увлекать, что выгодно отличало ее от несомненно более зрелых, но холодных красавиц. С неиссякаемым азартом она брала наравне с ним барьеры на своей кобыле и таскала его запускать вместе с ней воздушных змеев.

К моменту предполагаемой женитьбы юного вертопраха она была уже молодой леди потрясающей красоты, и Чарльз просто не мог отвести от нее глаз.

С делано скучающим видом он оглядывал ее очаровательную фигуру, безукоризненные черты лица и великолепные золотисто-каштановые волосы, когда она стояла в сторонке в переполненной людьми зале, выглядя безмятежной и хрупкой. Затем он подошел к ней с бокалом мадеры в руке, оперся о каминную полку и стал смело и откровенно восторгаться ее красотой.

Он ожидал, что она смутится, станет возражать, но Кэтрин повела себя иначе. Она не смутилась от его откровенно оценивающего взгляда и не пыталась избежать его. Она просто склонила голову набок, как будто ждала результата его славословий.

– Здравствуйте, Кэтрин, – наконец сказал он.

– Здравствуйте, Чарльз, – ответила она спокойно и безмятежно.

– Вы так же находите торжество невыносимо скучным, как и я, дорогая? – поинтересовался он, удивленный ее сдержанностью.

Кэтрин устремила на него приводящий в замешательство взгляд синих глаз и спокойно ответила:

– Это вполне уместная прелюдия к браку, который заключается из чисто финансовых интересов.

Ее прямота поразила его, но далеко не в той степени, в какой поразила странно обвиняющий взгляд, которым она полоснула его, перед тем как повернуться и уйти прочь. Чарльз протянул руку, чтобы удержать ее. От прикосновения к ее обнаженной коже его будто громом поразило, и то же произошло, по всей видимости, и с Кэтрин, ибо все ее тело напряглось. Вместо того чтобы, как он обычно поступал в подобных случаях, привлечь ее к себе, Чарльз повлек ее из толпы, и они вышли на веранду.

Стоя в пятне лунного света, он повернулся к ней и, вспомнив ее последнюю фразу, жестко произнес:

– Предосудительно полагать, что только деньги принимались мной в расчет, когда я решил повенчаться с Эмилией. Бывают и другие причины.

И вновь вызывающие смятение синие глаза устремились на него.

– Только не у таких людей, как мы, – спокойно возразила она. – Мы-то заключаем брачный союз с целью увеличения богатства и власти нашей семьи либо ради приобретения титула. Что касается вас, то вы, разумеется, женитесь из-за денег.

Конечно, невеста Чарльза получала в обмен на свои деньги аристократическое имя. И хотя это было принято, слова Кэтрин разбередили его душу.

– Ну а вы? – напрягшись, спросил он. – Вы не выйдете замуж по одной из тех же причин?

– Нет, – мягко ответила она. – Я – нет. Я обвенчаюсь только по взаимной любви. Я не пойду на такой брак, который заключили мои родители. Мне нужно большего от жизни, и я сама смогу дать мужу больше, чем это.

В мягко сказанных словах сквозила такая спокойная убежденность, что Чарльз с минуту помолчал, прежде чем наконец выговорить:

– Ваша бабушка вряд ли будет довольна, если вы выйдете замуж по любви, а не по соображениям престижа, моя дорогая. Ходят слухи, что она добивается родственного союза с Уинстонами и полагает, что именно вы скрепите такой союз.

Впервые за время разговора Кэтрин улыбнулась. Спокойная, обворожительная улыбка осветила ее лицо и растопила душу Чарльза.

– Бабушка и я, – непринужденно сказала она, – уже давно спорим по этому поводу, но я полна решимости, так же, впрочем, как и она, добиться своего.

Она выглядела такой прекрасной, свежей и неиспорченной, что броня цинизма, в которую Чарльз был закован в течение всей своей сознательной жизни, начала давать трещину, и он неожиданно почувствовал себя одиноким, ощутил какую-то пустоту. Не отдавая себе отчета в том, что делает, он нежно провел кончиками пальцев по ее лицу.

– Надеюсь, мужчина, которого вы любите, достоин вас, – так же нежно произнес он.

Кэтрин долго вглядывалась в его глаза, как будто видела что-то в глубине, пыталась заглянуть в его усталую, утратившую иллюзии душу.

– Думаю, – шепнула она, – вопрос заключается в том, смогу ли я быть достойной его. Понимаете ли, он очень нуждается во мне, хотя только сейчас начинает сознавать это.

Через мгновение смысл ее слов дошел до него, и Чарльз услышал, как с его губ со стоном срывается ее имя. Он неожиданно ощутил лихорадочную тоску человека, который только что нашел ту, которую бессознательно искал всю свою жизнь, – женщину, которая могла любить его ради него самого, разглядевшую в нем мужчину, которым он мог быть, мужчину, которым он хотел быть. И желать или любить его у нее не было никакой другой причины; ее родословная была такой же аристократической, как и его собственная, ее связи шире, а богатство несравненно больше.

Чарльз всматривался в нее, пытаясь побороть чувства, всколыхнувшиеся в его душе. «Это безумие», – говорил он себе. Он едва знает ее. Он не молодой дурачок, который верит, что взрослые мужчины и женщины влюбляются друг в друга с первого взгляда.

До этого момента он вообще не верил в любовь. Но теперь поверил, ибо ему хотелось, чтобы эта прекрасная, умная девушка-идеалистка любила его, и только его. Впервые в жизни он нашел нечто редкое, утонченное и неиспорченное и был полон решимости удержать около себя это уникальное создание – жениться на ней, лелеять и охранять ее от пошлости и жестокости общества.

Перспектива отказа женитьбы на Эмилии не тревожила его совести, ибо он не питал никаких иллюзий касательно причин, побудивших ее согласиться на этот брак. Он знал, что привлекает ее, но согласие на замужество она дала лишь потому, что ее отец хотел породниться с аристократическим семейством.

Наконец Чарльз больше не мог откладывать встречу со вдовствующей герцогиней Клермонт. Он хотел просить у нее руки Кэтрин.

Чарльз был готов к тому, что герцогиня воспротивится, ибо, несмотря на то что род Филдингов был старинной аристократической ветвью, сам он был лишь младшим сыном, не имевшим титула. Однако такие браки довольно часто заключались, и он ожидал, что герцогиня в конце концов вынуждена будет сдаться под натиском Кэтрин, мечтавшей об их союзе не меньше, чем он сам.

Чарльз не ожидал, что старая аристократка так разозлится и станет поносить неразборчивость его предков и его собственную, а также называть его пращуров «безответственными безумцами».

Но самой большой и малоприятной неожиданностью оказались слова герцогини о том, что, если Кэтрин пойдет против ее воли, она лишит ее всего и выбросит на улицу без пенса в кармане. Обычно такого не случалось. Но когда он покидал в тот день дворец герцогини, то знал, что она в точности выполнит свои угрозы. Чарльз вернулся в свое жилище и провел ночь, попеременно впадая то в гнев, то в отчаяние. К утру он знал, что не решится жениться на Кэтрин, ибо, хотя сам был готов попытаться зарабатывать на жизнь честным путем, даже физическим трудом, если это потребует, просто не мог пойти на то, чтобы его гордая прекрасная Кэтрин страдала. Слишком жестоко было вынуждать ее отрываться от семьи и подвергаться подобному испытанию в глазах общества.

Даже если бы она пошла на это ради их любви, он понимал, что нельзя позволить ей превратиться в обыкновенную домохозяйку. Она была молода, романтична и влюблена в него, но в то же время привыкла к дорогим нарядам и к тому, что слуги выполняют любой ее каприз. Если ему придется зарабатывать самому, то он наверняка не сможет обеспечить ей подобное.

За всю свою жизнь Кэтрин никогда не мыла посуду, не скребла полы и не гладила рубашек, и Чарльз просто не мог допустить, чтобы ей выпала эта доля лишь потому, что она по глупости полюбила его.

Когда ему наконец удалось устроить короткую тайную встречу на следующий день, Чарльз сообщил ей о своем решении. Кэтрин пыталась доказывать, что жизнь в роскоши не прельщает ее; она умоляла уехать с ней в Америку, где, по слухам, любой человек при желании мог зарабатывать и вести приличную жизнь.

Не в состоянии выдержать ее слезы, да и собственную горечь, Чарльз резко оборвал ее, заявив, что она не сможет вынести жизни в Америке. Кэтрин же решила, что именно *он* страшится работы, а затем, обливаясь слезами, обвинила его в том, что он охотится за ее приданым, – то есть в точности повторила слова своей бабушки. Для Чарльза, который ради нее принес в жертву свое счастье, такое обвинение было невыносимо.

– Думай как знаешь, – сухо сказал он, заставив себя уйти, пока не утратил решимости и не поддался на уговоры любимой. Он быстро пошел прочь, но мысль о том, что она действительно так думает о нем, угнетала. – Кэтрин! – на ходу, не оборачиваясь, воскликнул он. – Умоляю тебя, не считай меня негодяем.

– Я и не считаю, – прошептала она беззвучно. Она все еще не верила, что он положит конец их безнадежному, мучительному влечению друг к другу, женившись уже на следующей неделе на Эмилии. Он поступил именно так, и это был первый поистине жертвенный поступок за всю его жизнь.

Кэтрин вместе со своей бабушкой присутствовала на венчании, и Чарльз навсегда запомнил немой укор, которым были полны ее глаза в тот момент, когда завершился брачный ритуал и он обещал посвятить свою жизнь другой женщине.

А через два месяца после этого Кэтрин вышла замуж за ирландского врача и уехала с ним в Америку. Чарльз понимал, что она поступила так потому, что была безумно зла на бабушку и не могла оставаться в Англии, рядом с молодой четой Филдингов. И она сделала

это, чтобы доказать ему единственно возможным способом, что ее любовь к нему могла выдержать все – включая жизнь в Америке.

В том же году старший брат Чарльза был убит на дуэли, и Чарльз унаследовал титул и права герцога. Нельзя сказать, что вместе с титулом ему достались большие деньги, но их бы хватило для того, чтобы обеспечить любимой комфортную жизнь. Но Кэтрин ушла из его жизни; ведь он не поверил, что ее любовь была достаточно сильной, чтобы выдержать отсутствие роскоши. Чарльзу было наплевать на деньги, которые он унаследовал, ему вообще было теперь на все наплевать.

Вскоре после этого второй брат Чарльза – миссионер скончался в Индии, а еще через шестнадцать лет умерла и Эмилия.

В ночь после похорон жены Чарльз напился до умопомрачения, что было для него обычным делом, но в ту ночь, когда он сидел дома в мрачном уединении, ему в голову пришла новая мысль: рано или поздно и он должен будет покинуть этот мир. И в этом случае род Филдингов навсегда расстанется с герцогскими владениями, ибо у Чарльза не было наследника.

В течение предыдущих шестнадцати лет Чарльз вел странную, ничем не заполненную жизнь, но в эту роковую ночь, когда он осмысливал свое бесполезное пребывание на этом свете, какое-то новое ощущение стало точить его. Поначалу это было простое беспокойство, затем оно превратилось в отвращение и постепенно – в ярость.

Он потерял Кэтрин; потерял шестнадцать лет жизни. Влачил бессмысленное существование, вступил в брак без любви, а теперь ему еще предстояло окончить свою жизнь без наследника. Впервые за четыреста лет роду Филдингов угрожала потеря герцогского титула, и Чарльз внезапно решил отнестись к этому так серьезно, как никогда не относился к своей собственной жизни.

Его род не был таким уж знаменитым или состоятельным, но волей судьбы титул был его неотъемлемым достоянием, и Чарльз был теперь исполнен решимости сохранить его.

Для этого ему нужен был наследник, и, следовательно, возникла необходимость вновь жениться. После всех его многочисленных связей с женщинами в молодости перспектива того, чтобы теперь овладеть женщиной даже ради такой благой цели, как появление наследника, казалась не столько возбуждающей, сколько тоскливой.

С усмешкой он вспомнил обо всех миловидных девицах, с которыми когда-то переспал, в том числе и о прелестной французской балерине, бывшей его любовнице, от которой у него появился внебрачный...

От радости он вскочил на ноги. Ему вовсе не нужно снова вступать в брак, у него уже есть наследник! Есть Джейсон. Чарльз не был уверен, что законы наследственной иерархии позволят передать герцогский титул незаконнорожденному сыну, но для него это не играло большой роли. Джейсон был из рода Филдингов, и те немногие, кто знал о его существовании, считали его абсолютно законным сыном младшего брата Чарльза.

Когда-то старый король передал герцогство трем своим внебрачным сыновьям, и теперь он, Чарльз Филдинг, герцог Атертон, собирался последовать его примеру.

На следующий день Чарльз подрядил законников изучить этот вопрос, но прошло два долгих года, прежде чем один из них наконец прислал Чарльзу отчет с подробной информацией. Не было обнаружено никаких данных о золовке Чарльза, но в Дели отыскали Джейсона, который сколотил состояние, занимаясь транспортным и коммерческим бизнесом. Отчет начинался с сообщения адреса Джейсона и завершился сведениями о его прошлом, которые удалось достать.

Гордое ликование Чарльза в связи с финансовыми успехами Джейсона тут же обратилось в ужас и ярость, когда он прочитал об ужасном обращении своей золовки с невин-



ным ребенком, отданным им в эту семью на воспитание. Когда он кончил читать отчет, его мутило.

Окончательно решившись сделать Джейсона своим законным наследником, Чарльз послал сыну письмо с просьбой вернуться в Англию, с тем чтобы он мог официально узаконить это.

Не получив от Джейсона ответа, герцог не охладел к своей идее; с твердостью, которая так долго не проявлялась в его характере, он сам отправился в Дели. Полный невыразимого раскаяния и решимости, он приехал к сыну в его великолепный дом. С первой же встречи Филдинг получил возможность лично удостовериться в том, о чем ему сообщалось в отчете: Джейсон женился, у него был сын, и он жил как король. Он также ясно дал понять, что не желает иметь с Чарльзом ничего общего и вовсе не нуждается в родовом наследстве, которое тот предлагает.

В последующие месяцы упрямо не покидавший Индию отец постепенно убедил своего бесстрастного, чрезвычайно сдержанного сына в том, что никогда не знал и даже не мог себе представить, какому ужасному обращению подвергался маленький Джейсон в семье родственников.

Прелестная жена Джейсона Мелисса была в восторге от перспективы оказаться в Лондоне в качестве маркизы Уэйкфилд, но ни ее истерики, ни уговоры Чарльза никоим образом не действовали на Джейсона. Последнему не было никакого дела до титулов, и он не питал ни на грош симпатии к роду Филдингов, над которым нависла угроза потери титульных прав.

Чарльз уже было почти отказался от своего замысла, как вдруг нашел идеальный аргумент. Однажды вечером, когда он наблюдал, как Джейсон играет со своим маленьким сыном, его озарило, что существует лишь один человек в мире, ради которого Джейсон пойдет на все, – его сын Джеймс.

Поэтому Чарльз немедленно изменил тактику. Вместо того чтобы пытаться соблазнить Джейсона теми благами, которые ждут его по возвращении в Англию, Чарльз сделал акцент на том, что, отказываясь стать наследником герцога, Джейсон лишает и маленького Джейми родовых прав. Ведь титул и прочее наследие старинного рода в конце концов должны были отойти к Джейми.

Эта тактика сработала.

Джейсон назначил компетентного человека управлять своими делами в Дели и переехал с семьей в Англию, рассчитывая создать «королевство» для своего малыша. Джейсон охотно тратил огромные деньги на восстановление захиревших поместий Атертонов и доводил их до такого великолепия, какое в прошлом их владельцам и не снилось.

Пока Филдинг-младший активно занимался реставрационными работами, Мелисса поспешила в Лондон, чтобы занять подобающее место в обществе в качестве новой маркизы Уэйкфилд. В течение года по Лондону с молниеносной быстротой распространялись слухи о ее любовных связях. А еще через несколько месяцев она погибла вместе с сыном...

Чарльз очнулся от печальных мыслей и, пока убирали со стола, предложил:

– Не отступит ли нам сегодня от традиций, Виктория? Что, если вместо того, чтобы в мужском одиночестве выпить бокал портвейна, мы посидим вдвоем в гостиной? Мне до смерти не хочется уединяться.

Виктория не знала об этой традиции, но в любом случае была счастлива отказаться от нее и открыто высказала это. Когда они были на пороге гостиной, Чарльз привлек ее к себе и шепнул на ухо:

– Я заметил, что вы раньше срока сняли траур, дорогая. Если таково ваше решение, то я приветствую его – ваша мама ненавидела черное; она сама сказала мне об этом, еще когда была девочкой и ее обязали носить траур по ее собственным родителям. – Проницательный взор Чарльза был устремлен на нее. – Это было ваше решение?

– Нет, – призналась Виктория. – Мистер Филдинг сегодня забрал мою одежду и заменил этой.

Герцог понимающе кивнул:

– Джейсон не признает символов траура, и, судя по возмущенным взглядам, которые вы за ужином метали в его сторону, вы не очень-то его одобряете. Вы должны сказать ему об этом. Не позволяйте ему садиться вам на голову; он не уважает трусости.

– Но я не хочу волновать вас, – озабоченно сказала она. – Вы говорили, что у вас большое сердце.

– Не беспокойтесь обо мне, – хмыкнул он. – Сердце слабое, но не настолько, чтобы не выдержать небольшого волнения. Пожалуй, это даже полезно для меня. Моя жизнь до вашего приезда была невероятно тоскливой.

Когда Джейсон устроился в кресле с сигарой и бокалом портвейна, Виктория несколько раз собиралась с духом, чтобы поступить в соответствии с рекомендацией Чарльза и завести разговор об одежде, но каждый раз в последнюю секунду мужество оставляло ее.

Джейсон был одет в серые брюки и фрак, темно-синий жилет и жемчужно-серую шелковую сорочку. Несмотря на элегантную одежду и непринужденность, с которой он устроился в кресле, вытянув вперед длинные ноги, весь его облик говорил о непреклонности и властности. Даже в его позе, казалось, было нечто угрожающее, и у нее возникло ощущение, что его элегантный костюм и праздный вид были не чем иным, как маскарадом, предназначенным для убеждения легковерных в том, что он вовсе не жестокий дикарь, а вполне цивилизованный человек.

Он чуть подвинулся, и Виктория украдкой снова взглянула на него. Джейсон сидел, свободно положив руки на подлокотники кресла-качалки, откинув темноволосую голову назад, так что лицо скрывалось в тени, лишь изредка поблескивал белоснежный оскал зубов да покачивалась зажатая в них тонкая сигара.

Холодок прошел у нее по спине, когда она подумала о том, какие неразгаданные тайны кроются в его прошлом. Наверняка их должно быть немало, раз он стал таким циничным и недоступным. Маркиз Уэйкфилд выглядел как человек, повидавший и испытывавший ужасное и невообразимое, способное ожесточить и сделать ко всему равнодушным. Однако он, несомненно, был хорош собой – это была колдовская, опасная красота: зеленые, как у пантеры, глаза и великолепное сложение.

Виктория не могла отрицать, что, не испытывая она, находясь рядом с ним, постоянного страха, ей было бы приятно с ним побеседовать. Как заманчиво, наверное, подружиться с таким человеком – так же заманчиво, как согрешить с ним, признавалась она себе в душе, – но так же глупо, как попытаться подружиться с дьяволом. И вероятно, не менее опасно.

Виктория собралась с силами и только приготовилась вежливо, но твердо настоять, чтобы ей вернули траурное одеяние, как неожиданно появился Нортроп и объявил о прибытии леди Кирби и мисс Кирби.

Виктория заметила, как Джейсон напрягся и бросил сардонический взгляд на Чарльза. Тот озадаченно пожал плечами и повернулся к Нортропу.

– Отошли их под благовидным... – начал он, но было уже поздно.

– Не нужно церемоний, Нортроп, – послышался твердый голос, и в гостиную вплыли тучная женщина в красно-коричневом наряде, наполнившая залу терпким ароматом духов, и симпатичная брюнетка приблизительно одного возраста с Викторией.

– Чарльз! – произнесла леди Кирби, сияя улыбкой. – Мне сообщили, что вы сегодня заезжали в деревню в сопровождении молодой леди по имени мисс Ситон, и, естественно, я сочла необходимым познакомиться с ней. – Не переводя дыхания, она весело обратилась к Викторией: – Должно быть, вы и есть мисс Ситон. – Сделав паузу, она с минуту самым тщательным образом изучала лицо Викторией, будто искала в нем изъяны. Ее поиски увен-

чались успехом. – Что за впадина у вас на подбородке, моя дорогая? Как это случилось? Несчастный случай?

– От рождения, – покорно пояснила девушка, слишком очарованная забавной леди, чтобы обидеться. Ее всерьез заинтересовал вопрос, не переполнена ли Англия занятыми, плохо воспитанными, много себе позволяющими людьми, чьи странности то ли поощряли, то ли не замечали из уважения к титулам и богатству этих людей.

– Как жаль, – сказала леди Кирби. – Это, наверное, мешает вам или причиняет боль?

От с трудом сдерживаемого смеха у Виктории дрогнули губы.

– Только когда я смотрюсь в зеркало, миледи, – ответила она.

Заметно огорчившись, леди Кирби резко отвернулась и обратила свое внимание на Джейсона, который поднялся и стоял у камина, опершись локтем о каминную полку.

– Итак, Уэйкфилд, – сказала она, – судя по всему, объявление в газете скорее всего соответствует истине. Скажу по чести, я не поверила своим глазам. Так это произошло?

Джейсон поднял брови.

– Что произошло?

Но тут громкий голос Чарльза заглушил ответ леди Кирби:

– Нортроп, принесите леди что-нибудь выпить!

Все уселись. Мисс Кирби заняла место возле Джейсона, а Чарльз быстро перевел разговор на погоду. Леди Кирби невнимательно слушала, пока монолог Чарльза не иссяк. Тогда она круто повернулась к Джейсону и прямо спросила:

– Уэйкфилд, ваше объявление о помолвке остается в силе или нет?

Джейсон поднес бокал к губам; его лицо оставалось бесстрастным.

– Нет.

Виктория заметила, что присутствующие весьма по-разному отреагировали на эти слова. Леди Кирби явно почувствовала удовлетворение, ее дочь была в восторге, Чарльз сник, а лицо Джейсона осталось непроницаемым. Теперь сострадательной по натуре Виктории все стало ясно: так вот почему Джейсон выглядел таким мрачным и бездушным – любимая женщина отказала ему. Однако ей показалось несколько странным, что обе леди посмотрели на нее, как будто ожидали от нее какой-то реакции.

Виктория из вежливости улыбнулась, и леди Кирби возобновила разговор:

– В таком случае, Чарльз, я полагаю, что вы намерены вывести бедную мисс Ситон в свет?

– Я намерен проследить, чтобы *графиня Лэнгстон* заняла достойное место в обществе, – холодно поправил он.

– Графиня Лэнгс... – выдохнула леди Кирби.

Чарльз наклонил голову.

– Виктория – старший ребенок Кэтрин Лэнгстон. Если я не ошибаюсь, по правилам наследования она получает шотландский титул своей матери.

– Даже если это так, вам будет непросто найти для нее подходящую партию, – задумчиво сказала гостья. И, сияя улыбкой, она обратилась к Виктории: – Ваша мама спровоцировала самый настоящий скандал, когда убежала с тем ирландским рабочим.

От возмущения и обиды за мать Викторию затрясло.

– Моя мать *вышла замуж за ирландского врача*, – поправила она.

– Без разрешения своей бабушки, – уточнила леди Кирби. – Благовоспитанные девушки в этой стране не выходят замуж против воли своих семейств.

Очевидный намек на невоспитанность Кэтрин так разозлил Викторию, что она до боли сжала руки в кулаки.

– Ну да ладно, в конце концов общество понемногу забыло об этом, – снисходительно добавила леди Кирби. – Но до того как вас представят в свете, вам придется многому

выучиться. Вам нужно узнать, как следует правильно обращаться к каждому пэру, его жене и детям, и, конечно, ознакомиться с этикетом нанесения визитов и более сложными правилами рассаживания за столом. Одно это требует нескольких месяцев обучения – в каком порядке и возле кого можно садиться за стол. Жители колоний – невежды в этих вопросах, но мы, жители метрополии, уделяем этикету огромное внимание.

– Возможно, этим объясняется тот факт, что мы всегда берем верх в войнах, – мягко предположила Виктория, не в силах больше вынести нападок на свою семью и свою страну.

Глаза леди Кирби сузились.

– Я не хотела никого обидеть. Однако вам придется попридержать язычок, если вы собираетесь найти себе подходящую партию и восстановить репутацию своей матери.

Виктория встала и со спокойным достоинством заявила:

– Полагаю, даже самому добропорядочному человеку очень трудно достигнуть уровня моей матери. Моя мать была самой интеллигентной и самой доброй женщиной на свете. А теперь, если вы меня извините, я покину вас, так как мне необходимо написать письма.

Виктория закрыла за собой дверь и прошла через холл в библиотеку – огромную комнату с персидскими коврами на полированном деревянном полу и книжными шкафами, закрывающими стены. Слишком сердитая и взволнованная, чтобы действительно устроиться за одним из письменных столов и написать письмо Дороти или Эндрю, она прошла к книжным полкам поискать что-нибудь, что могло бы успокоить ее растревоженную душу. Скользя взглядом по томам, посвященным истории, мифологии и коммерции, она остановилась у раздела поэзии. Сплошь знакомые имена – Мильтон, Шелли, Китс, Байрон. Не собираясь серьезно углубляться в чтение, она выбрала наугад тоненький томик лишь потому, что он выступал на несколько дюймов из ряда книг на полке, и пошла с ним к ближайшему уютному креслу.

Девушка зажгла масляную настольную лампу и, удобно устроившись, заставила себя раскрыть книгу. Из нее выпал и полетел на пол вырванный из блокнота розовый, пахнущий духами листок. Виктория машинально подобрала его и уже было собралась положить на место, но первые слова написанной наспех на французском языке записки сами бросились ей в глаза.

«Милый Джейсон!

Я так скучаю. Жду с нетерпением, считаю часы, когда ты придешь ко мне...»

Виктория сказала себе, что читать чужие письма скверно, непростительно и совершенно недостойно, но мысль о женщине, нетерпеливо ожидающей Джейсона, была настолько невероятна, что девушка не могла удержаться любопытства, смешанного с удивлением. Что касается ее самой, то она скорее была бы склонна с нетерпением ждать, пока он уйдет прочь! Она была так поглощена этими мыслями, что не слышала, как Джейсон и мисс Кирби подошли к библиотеке.

В следующих строках письма говорилось:

«Посылаю тебе эти чудесные стихи в надежде, что ты прочтешь их и вспомнишь обо мне, о сладостных ночах, которые мы проводили в объятиях друг друга...»

– Виктория! – раздался раздраженный голос Джейсона.

Виктория, чувствуя себя виноватой, судорожно вскочила, уронила книгу стихов, подхватила ее и рухнула обратно в кресло. Пытаясь выглядеть углубленной в чтение, она открыла томик и невидящим взглядом уставилась в него, не замечая, что книга в ее руках перевернута вверх ногами.

– Почему вы не отвечаете? – строго спросил Джейсон, входя в библиотеку вместе с мисс Кирби, цеплявшейся за его руку. – Джоанна хотела попрощаться и предложить свои услуги, если вам понадобится что-нибудь купить в деревне.

После столь яркой атаки старшей леди Виктория не могла не предположить, что мисс Кирби намекает на ее неспособность самостоятельно делать покупки.

– Извините, я не слышала, – сказала она, пытаясь придать своему лицу выражение серьезности и достоинства. – Как видите, я читала и была чрезвычайно поглощена книгой.

Она закрыла томик и положила на стол, затем заставила себя спокойно посмотреть на вошедшую пару. Возмущение и презрение были отчетливо написаны на лице Джейсона, и она в тревоге попятилась.

– Что... что-то не так? – спросила она, со страхом заподозрив, что он каким-то образом вспомнил, что в книге лежала записка, и решил, что она читала ее.

– Да! – резко ответил он и обратился к мисс Кирби, на лице которой читалось такое же выражение: – Джоанна, вы не могли бы порекомендовать учителя из деревни, который научил бы ее читать?

– Научить меня читать? – выдохнула Виктория, уклоняясь от пристального взгляда прелестной брюнетки. – Не говорите глупостей, мне не нужен учитель – я прекрасно умею читать.

Не обращая на нее внимания, Джейсон снова взглянул на мисс Кирби:

– Так вы не знаете учителя, который согласился бы подъехать сюда и заняться ею?

– Полагаю, да, милорд. Викарий, мистер Уоткинс, мог бы сделать это.

Глядя на них страдальческим взглядом женщины, которую вынудили претерпеть слишком много оскорблений и которая отказывается терпеть новые, Виктория совершенно твердо заявила:

– Ну это уж просто абсурд! Мне не нужен учитель, я *умею* читать.

Ледяным тоном Джейсон сказал:

– Никогда не смейте мне лгать. Я презираю лжецов, в особенности если они – женщины. Вы не умеете читать и прекрасно знаете это!

– Чепуха! – возразила Виктория, не обращая внимания на изумленный взгляд мисс Кирби. – Говорю вам, я умею читать!

Чаша терпения Джейсона переполнилась, он сделал три больших шага к столу, схватил книгу и бросил наглой обманщице.

– Тогда читайте!

Рассерженная и униженная, под любопытными взглядами мисс Кирби, не скрывавшей восторга, Виктория перевернула обложку тома и увидела пахнущую духами записку.

– Ну давайте же, – насмехался он. – Послушаем, как вы читаете.

Виктория искоса бросила на него многозначительный взгляд.

– Вы абсолютно уверены, что желаете чтения вслух?

– Читайте! – коротко велел он.

– При мисс Кирби? – невинно спросила она.

– Или читайте, или признайтесь, что не умеете!

– Ну что ж, очень хорошо. – И, подавив подступающий смех, она с выражением прочитала: – «Милый Джейсон! Я так скучаю. Жду с нетерпением, считаю часы, когда ты придешь ко мне... Посылаю тебе эти чудесные стихи в надежде, что ты прочтешь их и вспомнишь обо мне, о сладостных ночах, которые мы проводили в объятиях...»

Джейсон выхватил книгу из ее рук. Подняв брови, Виктория посмотрела ему прямо в глаза и вежливо укорила:

– Записка на французском, мне пришлось на ходу перевести ее. – Затем она повернулась к мисс Кирби и с лучезарной улыбкой сказала: – Я прочитала не все. Но не думаю, что

подобный текст следует оставлять там, где он может попасть на глаза хорошо воспитанным юным леди. Вы согласны? – Не ожидая ответа, она повернулась и с высоко поднятой головой вышла из библиотеки.

В зале их ожидала леди Кирби, готовая к отъезду. Виктория холодно попрощалась с обеими женщинами, затем пошла наверх, надеясь избежать неотвратимого гнева Джейсона, который он, несомненно, обрушит на нее, как только дамы уедут. Однако прощальное замечание леди Кирби так потрясло Викторию, что все остальные впечатления в данный момент для нее померкли.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.